

ПОХОДНЫЙ ДНЕВНИКЪ.

(Продолженіе.)

Лагерь при Курюкь-Дара, 1 июля 1854 года.

День прошелъ мирно и грустно. Съ утра до вечера были сумерки. Сѣрые облака стряхивали послѣднія капли ночнаго дождя. Въ турецкомъ лагерѣ все какъ бы спало. По обѣ стороны его паслись въ безпорядкѣ табуны. Двѣ, три кучи баши-бузуковъ, распустивъ своихъ коней по травѣ, лѣниво оберегали кейфъ низама и совари (*). Наступила ночь, темная. Огонь тускло просвѣчивалъ сквозь мокрый холстъ палатокъ, и онѣ казались огромными бумажными фонарями. Въ лагерѣ, какъ и въ городѣ, есть палаты, есть и хижины. Послѣднія встрѣчаются въ отдаленныхъ кварталахъ лагеря и населены казаками, которымъ нигдѣ прочной осѣлости не полагаются. Если парусинное жилище имѣетъ отвѣсныя стѣны и въ одной изъ нихъ окошко, то оно уже перестаетъ называться палаткою; оно соответствуетъ купеческимъ третьей гильдіи хоромамъ въ городѣ и носить наименованіе «домика». Въ одномъ изъ такихъ домиковъ, несмотря на поздній часъ ночи, дверныя полы распахнуты настежь. Внутри, на складномъ треногомъ стулѣ, пылаетъ кострюля. Отъ передняго угла и до порога сидятъ полукругомъ собесѣдники. А сидятъ они, разумѣется, на томъ, на чемъ прежде стояли. Ихъ усы не ше-

(*) Регулярной пѣхоты и конницы.

вельнутся, ихъ глаза обращены на синее пламя, безъ дыма. Это волшебное пламя кружится, присѣдаетъ, поднимается и жужжитъ, гложетъ кусокъ сахара, положенный на шомпола, сверхъ жарюли. Сахаръ плавится, и горячія капли урчатъ, падая въ шомполокъ, называемый *горлчиъ*, хотя онъ самъ по себѣ и холоденъ. Все это кажется издали, съ надворья, какимъ-то почнымъ жемчужно-розовымъ свѣтомъ, а на самомъ дѣлѣ это только тѣло, тѣло твое, тѣло друидовъ или засѣданіемъ алхимикомъ и дѣлу философскаго камня. Но здѣсь и помину нѣтъ о философскомъ камнѣ; ожидаютъ только, чтобъ сахаръ скорѣе расплавился. И вотъ послѣдняя его капля, увлекая за собою не переплавленный остатокъ, заурчала громче обыкновеннаго и канула на дно кастрюли. Вы слышали такой же точно звукъ, когда становились на молодой ледъ, и онъ гнулся и трещалъ подъ вашими ногами. Но прочь эти сравненія: они только перебиваютъ рѣчь. Всѣ вздохнули свободно. Шомпола сняты, раскупоренная бутылка залила пламя, и благоухающій паръ клубится надъ кастрюлей. Друиды или алхимики, какъ вамъ угодно, придвинулись къ жертвеннику и приступили къ возліанію.

Опытные кавалеристы давно уже догадались, въ чемъ дѣло, но для рекрутъ не мѣшаетъ пояснить, что это походная жженка — отличное средство противъ простуды и хандры. Сами доктора его употребляютъ и сознаются, что оно гораздо лучше ихнихъ предохранительныхъ средствъ, методически настоянныхъ на разныхъ латинскихъ травахъ. Даже для «классической» настоекъ нашего оператора не можетъ быть сдѣлано исключеніе.

Благотворная жженка прогнала грустное молчаніе и вызвала веселыя воспоминанія о смотрахъ и разныхъ событіяхъ на церемониальныхъ маршахъ, о разныхъ губернскихъ городахъ и наконецъ о Питерѣ. Эхъ, «не то бы въ Питерѣ, да не о томъ ужъ рѣчь».... Рѣчь пошла о томъ, кто самый храбрый генералъ въ русской кавалеріи. Поднялось преніе. Но появившійся пилатъ задавилъ его. Потомъ явился кебаба, который вѣнчаетъ дѣло. Послѣ кебаба вздохнулъ мѣсяць. Гости сказали хозяину: доброй ночи и разошлись по своимъ шатрамъ, какъ расходились герои Илиады съ пировъ Агамемнона, «богамъ равнаго». Ничто ново подъ луною; ничто не ново и подъ военными шатрами.

Тамъ же, 2 июля.

Въ кавказско-горской милиціи возникли раздоры. Виною тому ея разноплеменность и племенная спѣсь Кабардинцевъ. Ка-

бардинцы — князья и дворяне, а Карачаевцы, Балкарцы, Дигорцы и другіе Осетины — простые люди. Не изъ первыхъ, а изъ послѣднихъ проходитъ командиръ милиціи, подполковникъ К***, достойный офицеръ. Но кабардинское мѣстничество неволью гнетъ, что онъ не князь изъ рода Мишистовъ или Томбиевъ. Дѣло возмущилось съ этой кроткой милиціей и наконецъ вышло изъ себя сегодня въ ахалархскій отрядъ; оттуда, вѣрно, поѣдетъ она домой....

Въ лагерѣ произведена перестановка. Онъ подвинулся впередъ, къ оконечности Караяла, ближе къ неприятелю. Теперь онъ весь на одной площади, а до этого задняя его половина лежала въ инжадарской котловинѣ, и расположеніе его походило на сумы, перекинутыя чрезъ сѣдло. Къ Туркамъ подошли новыя подкрѣпленія, съ которыми насчитывается теперь у нихъ болѣе сорока баталіоновъ пѣхоты, тысячъ восемь конницы и десятковъ восемь артиллерійскихъ орудій. Ходитъ слухъ, что они намѣрены напасть на насъ ночью. Въ каждомъ драгунскомъ полку учреждены дежурные эскадроны, обязанные соблюдать постоянную готовность. Казачьи полки, поставленные на первомъ планѣ лагеря, должны быть постоянно дежурными. Да безъ того они бы умерли со скуки. У казака далеко меньше заботъ около себя и около коня, какъ у драгуна. Сверхъ обыкновенныхъ разъѣздовъ, приказано посылать каждую ночь, во всѣ стороны отъ лагеря, по два человѣка казаковъ и чапархановъ вмѣстѣ, такъ какъ послѣдніе знаютъ языкъ и мѣстность. Для этого вѣрно было вызвать изъ полка Камкова восемь человѣкъ охотниковъ «съ пластуны». По первому слову ихъ вызвалось восемьдесятъ два человѣка.

Юль даетъ себѣ чувствовать. Какъ ни часты дожди и грозы, но это не ослабляетъ жаровъ въ ясные дни. Солнце жжетъ на воздухѣ, обладаетъ вромъ въ палаткѣ. Сильно нагрѣтая парусина издаетъ запахъ пара. Чтобъ поддержать свѣжесть воздуха въ палаткѣ, надобно прикрыть ее травой или чѣмънибудь шерстянымъ. За Кубанью мы прикрывали ее свѣжими вѣтвями; но здѣсь ихъ не откуда взять. Карскій пашалыкъ голъ, какъ соколъ. Видно, что лѣсничіе армянскихъ царей вели свой дѣла очень хорошо.

Примѣръ бывшихъ чахловъ на кавказскихъ фуражкахъ подействовалъ на драгунскіе полки, прибывшіе изъ внутренней Россіи: они обшили свои каски холстомъ. Нельзя сказать, чтобъ

это было красиво; но безъ этого не было бы возможности держать на головѣ покровъ, не во всякомъ климатѣ удобо. Мѣдь, кожа и черная краска, поглощающія такую безднулоты, прожгли бы черепъ до мозга. Теперь, когда блескъ угасъ подъ холстомъ, какою она кажется простушкою и много отнимаетъ у наружности всадника! Лицо въ тѣни, нѣтъ, глаза какъ бы зажмурены, станъ коротокъ и сутуловатъ. Фронтъ не имѣетъ фizioноміи. Особенно рѣзко бросается это на глаза, когда Тверцы или Новороссійцы стоятъ рядомъ съ Нижегородцами. Здѣсь уже совсѣмъ не та осанка. Что есть благороднѣйшаго въ деловѣнскѣ, открыто; фронтъ горитъ взоромъ, производить впечатлѣніе, внушаетъ....

Тамъ же, 3 июля.

Турецкая кавалерія фуражировала такъ близко къ нашимъ пикетамъ, что потревожила нашъ лагерь. То правда, что она уже объѣла поляну, ближайшую къ своему лагерю; но не клиномъ же сошлась окрестность для ея фуражировокъ. Тутъ должна скрываться задняя мысль. Навертываясь къ намъ такъ близко и такъ часто, Турки ищутъ, кажется, частныхъ ошибокъ, отдалѣнныхъ битвъ, чтобы посредствомъ ихъ приучить себя къ общему бою. Такъ водяные врачи въ Пятигорскѣ говорятъ своимъ полнокровнымъ пациентамъ: вы прежде помочите голову, потомъ опустите одну ногу, потомъ другую, а потомъ уже и сядьте въ ванну. Какже должно быть досадно нашимъ противникамъ, что мы не хотимъ плясать по ихъ дудкѣ! Въ самомъ дѣлѣ, досадно: боясь испортить штуку, портной приноситъ часть кафтанна и говорить: потрудитесь примѣрить. Ему кричатъ: пошелъ ты прочь съ своей примѣркой! давай мнѣ кафтанъ полный, готовый: тогда надѣну. Вишь ты какой, думаетъ портныхъ дѣлъ мастеръ, уходя назадъ съ поникшей головою: зналъ бы, лучше не бралъ этой работы: вѣдь приколотить, если не потрафлю. Право, приколотить тѣмъ смотреть.

Съ утра жарило по грузински, а послѣ обѣда разразилась гроза, съ бурей, градомъ и дождемъ. Вечеромъ правилась въ походной церкви всенощная. Молитва церкви, намъ сопутствующей, соединяетъ насъ нравственно съ отечествомъ, между которыми и нами лежитъ нѣкое и холодное пространство. Только слушая ее, приводишь себя на память свѣтлые и прекрасные дни въ своей жизни, если они были. Припоминаю видѣнную когда-то давно картину: ренегатъ спитъ въ чалмѣ и шелковой одеждѣ

на роскошныхъ пуховикахъ; сонъ витаетъ надъ его головою и представляетъ ему въ далекомъ туманѣ прошедшаго христіанскій алтарь, и теплощіе свѣчи, и колѣнопреклоненный народъ, и пастыря, освящающаго благословеніемъ молящуюся паству.... Какже тягостно, какъ неприятно и возмутительно должно было быть пробужденіе чалмоноснаго отступника и какимъ тономъ произнесъ онъ: «Эй, огланъ, чубукъ долдуръ!...»

Тамъ же, 4 июля.

Вамковъ правъ, называя турецкую конницу дерзкою. «Какого вы мнѣнія о башни-бузунской конницѣ?» спросили его. — «Конница съ огнемъ», отвѣчалъ онъ. «И храбрая?» — «Не скажу, чтобы была храбрая, а дерзкая.»

Дерзость этой конницы опять произвела тревогу въ нашемъ лагерѣ. Съ утра вышло нѣсколько отрядовъ изъ турецкаго лагеря, какъ видно, за травой и дровами. Между тѣмъ, сильная колонна совари и башни-бузуковъ, съ артиллеріей, выдвинулась прямо противъ нашего Караяла. Она была такъ близко, что съ горы можно было различать цвѣта флюгеровъ на пикахъ. Гадкіе башни-бузуки подскакивали къ пикетамъ и ругали казаковъ по русски. Драгуны и нѣсколько баталіоновъ были выдвинуты къ Караяльскому мысу. Дѣла, однакожь, не было.

Немного позже, какъ вчера, опять разразилась гроза и полилъ холодный дождь. Все онъ подгоняетъ къ ночи, когда и безъ него прохладно. Къ печальной обстановкѣ мокраго и мрачнаго вечера присоединились похоронныя стenanія музыки, провожавшей въ церковь гробъ драгунскаго полковника Г***, умершаго отъ тифа.

Тамъ же, 5 июля.

Ни большаго дождя, ни большаго движенія со стороны турецкаго лагеря. Въ полдень явились къ намъ два раненые Армянина и рассказали о неприятномъ происшествіи, случившемся на нашей границѣ. Вчера, передъ разсвѣтомъ, турецкая конница напала на Баяндуръ; жители и милиція отразили нападеніе. Однакожь, нѣсколько крайнихъ буйволятниковъ разорено. Два раненые мужика и четыре молодыя женщины взяты въ плѣнъ. Женщины удержаны въ турецкомъ лагерѣ, а мужики отпущены, и они-то явились съ извѣстіемъ, что наши противники начинаютъ уже бить не по коню, а по оглоблямъ. Что жъ изъ того, если бы мы стали разорять турецкія деревни и брать въ

цѣль бабъ, съ ихъ веретенами и прляками? Намъ гораздо легче это дѣлать.

И народъ съ такими дикими правилами принять въ благородныхъ народовъ, вождей человечества! И для него сточаютъ громкія фразы, гдѣ имя цивилизаціи приеѣмается. Вопіющій грѣхъ противъ одной изъ десяти заповѣдей....

Тамъ же, 6 іюля.

На большомъ шатрѣ, стоящемъ въ одиночку среди лагерь, блестятъ кресты. Въ распахнутыя полы дверей вылетаетъ мѣлъ и слышатся звуки, знакомые русскому сердцу отъ нашего бѣнія. Пускай кому нибудь будутъ нужны вѣжа, почившіе на пирамидахъ; намъ нужна молитва. На походѣ пѣсня, и стоянкѣ пѣсня и шутка съ прибауткой, а въ праздникъ молитва — въ нихъ наше отечество, гдѣ бъ мы ни находились. Этотъ шатеръ, осѣненный крестомъ — наша лагерная церковь. Въ ней каждый день совершается служба. Каждый день мы слышимъ отечественную молитву «о братіяхъ нашихъ, прежде почившихъ, здѣ лежащихъ». Здѣсь, на башъ-кадыкъ-ларскомъ полѣ, лежатъ наши братья, прежде насъ славно почившіе. Этотъ родной голосъ, за нихъ молящійся, трогаетъ сердце; какъ голосъ матери у могилы ея дѣтей....

Турецкая пѣхота маневрировала около своего лагеря. Съ Караала можно было насчитать 32 баталіона, — почти вдвое больше нашего. Башн-бузуковъ, противъ обыкновенія, почти не видно. Не отправились ли они, въ самомъ дѣлѣ, на наше сообщеніе съ Гумри, какъ было слышно? Въ обезпеченіе колонны посланной въ Александрополь, былъ выдвинутъ отрядъ къ дер. Аргину. Дождь хотѣлъ идти, но не шелъ.

Тамъ же, 7 іюля.

Пора уже нашему Караалу пожаловать названіе Пулковскія горы. Сколько здѣсь перебиваетъ въ день трубъ, трубачей, бандолей и разныхъ зрительныхъ орудій! Есть между ними и такія, досмотрѣвши въ которыя, говорятъ: «благодарю васъ, посмотрю лучше такъ, — такъ мнѣ кажется виднѣе». Но望远镜ъ князя А. И. Барятинскаго приближаетъ удивительное мало того, что можно различать цвѣта одежды, можно видѣть, что дѣлается въ турецкихъ палаткахъ, когда ихъ полы открыты. Въ тѣ времена, когда все необычайное приписывалось об-

тателямъ преисподней, я ужъ не знаю, на сколькихъ бы кострахъ сожгли это удивительное орудіе. Говорятъ, что французскія войска не могутъ обойтись на войнѣ безъ театра; у насъ театръ готовый: Караалъ — раекъ, турецкій лагерь — сцена. Великолѣпныя виды открываются съ Караала и во всѣ остальные стороны. Съ русской сторонѣ идетъ перспектива долинъ и холмовъ и развалинъ, до самаго Арпачая. Въ ясные вечера, открываются развалины древняго города Ани. Вы видите стѣны, башни, дворцы, колокольни; вы видите, въ туманной дымкѣ, прекрасный и обширный городъ. Вы предполагаете тамъ шумную жизнь, кипучую дѣятельность. Ничего не бывало! Это кладбище, это надгробные камни. Но расскажемъ очевидцевъ, часть городскихъ стѣнъ и многія церкви, дворцы, минареты еще достаточно сохранились. Надписи и стѣнная живопись въ церквахъ уцѣлѣли мѣстами такъ хорошо, что по нимъ можно составить понятіе о костюмахъ царей, духовенства и вельможъ Арменіи, до XIV столѣтія. Тамъ вы можете видѣть эту шапку съ четверугольнымъ верхомъ, въ родѣ уланскаго кивера, которую носятъ армянскіе теръ-теры.

Ани лежитъ на возвышенномъ берегу Арпачая, въ чертѣ Карскаго пашалыка и верстахъ въ тридцати отъ нашего лагеря. Объ этомъ городѣ сохранилось довольно историческихъ свѣдѣній. Онъ былъ послѣднею столицею Великой Арменіи. Въ эпоху крестовыхъ походовъ, онъ затмѣвалъ своимъ великолѣпіемъ даже Феодосіополь, нынѣшній Арзрумъ. Но на немъ всегда лежало чужое ярмо. Онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, какъ мячъ въ игрѣ, отъ Армянъ къ Грузинамъ, отъ Грузинъ къ Грекамъ, Аравитянамъ, Сельджукамъ, Персамъ. Наконецъ достался этотъ мячъ завоевателямъ Византійской имперіи, но уже разбитымъ и растерзаннымъ. Въ началѣ XIV столѣтія, городъ разрушенъ землетресеніемъ и съ того времени не поднимался больше изъ своихъ развалинъ. Турецкое и армянское суевѣріе охраняютъ его остатки отъ конечнаго истребленія. Народъ вѣритъ, что Божій гнѣвъ тяготѣетъ на этомъ раззоренномъ городѣ. Кто возьметъ его камни и построитъ себѣ изъ нихъ жилище, болѣзнь и скорбь водворятся въ жилищѣ и не выйдутъ, пока не возьмутъ опредѣленнаго числа жертвъ. Въ Карсѣ есть, говорятъ, старинные дома, построенные изъ этихъ камней, заклеянныхъ Божескимъ гнѣвомъ. Не на судьбѣ ли жилищъ этихъ домовъ основалось такое повѣрье?

Какъ послѣдняя искра подъ пепломъ, долго еще существовала, среди развалинъ Ани, армянскій монастырь св. Григория. Богатство монастыря привлекло въ его стѣны Лезгинъ, и раззорили его въ половинѣ прошлаго столѣтiя.

Судя по остаткамъ, это было, дѣйствительно, громадный родъ. Если вѣрить армянскимъ историкамъ, писавшимъ безъ точниковъ и цитатъ, одна церковь было въ немъ тысяча. Въ числѣ церквей, болѣе или менѣе сохранившихся, есть одна, которую Турки и Армяне называютъ «чабанъ-килиса» — церковь пастуха. Теръ-теръ Оганесь, читавшій самого Мозеса Хоренскаго, рассказываетъ о ней слѣдующее преданiе:

«Въ цвѣтущее время Ани, жилъ-былъ въ горахъ бѣдный пастухъ, который разъ только въ году, на Свѣтлое Христово Воскресенье, приходилъ въ городъ помолиться и поставитъ свѣчку въ храмѣ Божьемъ. Старъ сталъ пастухъ-пустынникъ и плохо уже служить ему усталыя ноги. Наканунѣ пасхи, по обыкновенiю, собрался онъ въ великолѣпный городъ Ани и шелъ цѣлую ночь по глухимъ горнымъ тропинкамъ. Весенняя ночь была темна, горныя тропинки обрывисты. Множество злыхъ дѣховъ, удалившихся на тотъ разъ изъ Ани, привязались къ старика и употребляли всѣ зависѣвшiя отъ нихъ средства, чтобы помѣшать ему придти къ началу заутрени. То бросали они камни подъ ноги, то сводили его съ дороги въ сторону и толкали въ какую-нибудь трущобу. Оспоривая каждый свой шагъ, пустынникъ припоздалъ — пришелъ въ городъ, когда уже въ церквахъ пропѣли: «Христось Воскресе». Всѣ церкви были наполнены, отъ пола до купола, яркимъ свѣтомъ свѣчей и лампадъ, и всѣ были биткомъ набиты народомъ. Толкнулся пустынникъ въ одну церковь, толкнулся и въ другую, и третью и десятую — не дають ему прохода: тѣснота непролазная, а самъ старикъ нѣтъ, чтобъ растолкать толпу. Обходилъ бѣдный пастухъ всѣ Божьи храмы, и все понапрасну. Не слышалъ онъ въ первой заутрени свѣтлой седмицы и свѣчи, по обѣщанiю, поставилъ. Обѣщать что-нибудь Богу въ будущемъ есть грѣхъ: не знаешь, что породитъ завтрашнiй день. Сокрушился старецъ зѣло, стоитъ на распутии и плачетъ да рукавомъ горюка, старыя слезы утираетъ. Идетъ народъ изъ церквей: одни на колесницахъ, другiе на коняхъ, а большинство пѣшкомъ; юноши въ галунахъ, красныя дѣвы въ парчѣ и ожерельяхъ. Всѣ видятъ бѣднаго пастуха, видятъ рубища, сѣдины, слезы — и про-

ходятъ мимо. Ни одной души не тронули слезы, сѣдины и рубища. Идетъ наконецъ епископъ съ клиромъ и, зря старца сътужащаго, вопрошаетъ его привѣтливо: «о чемъ плачешь, старче, во всерадостное сiе утро?» Отвѣчаетъ старецъ: «дожилъ я, отче, до горькихъ дней: не пустилъ меня народъ въ Божью церковь». Потрясши жезломъ, вѣщаль владыка: «подобаетъ старцамъ не лѣнностью отъ одра ночнаго вставати и ранѣе молодыхъ во храмъ на молитву посѣщати». Возопилъ старецъ: «не лѣнился я, отче, нимало, всю ночь съ супостатомъ боролся и хождениемъ-пѣшимъ подвизался. Но горю нѣтъ, старцу пустынному, сушу: оскудѣла до остатка крѣпость мышцъ львиныхъ и борзость ногъ оленьихъ. Народъ же нынѣ вельми ожесточился, и нѣтъ уже въ юношахъ цвѣтущихъ призрѣнiя къ немощи старческой. Пускай же молятся они въ своихъ церквахъ, а ты, владыко, построй мнѣ убогому старцу особую церковь». Улыбнулся владыка добродушно и вѣщаль мягкой, паче воска, рѣчью: «о, человекъ! множествомъ златницъ и сребренниковъ зиждуются храмы въ великомъ градѣ Ани; рублищемъ ли твоимъ и слезами ли твоими построю тебѣ особую церковь?» Поклонился старецъ до земли и молвилъ: «добръ вещаль еси, отче; но есть рублище подъ златомъ и есть злато подъ рублищемъ. Заутра, прежде, нежели тимпанъ возгласитъ трижды, многоцѣнное сокровище придетъ къ тебѣ въ кошницѣ убогой, на хребтѣ онагра пустыннаго. Возьми то сокровище, владыко, и построй старцу убогому особую церковь».

Сказалъ и удалился въ горы.

«Сколько яркихъ звѣздъ на голубомъ небѣ, столько звонкихъ мѣдныхъ голосовъ въ славномъ городѣ Ани огласили заутра тишину разсвѣта. При третьемъ ударѣ тимпана, владыка схватилъ съ высокаго крыльца палатъ бѣломраморныхъ и видитъ онагра, пьющаго воду у фонтана. На хребтѣ его ветхая кошница, въ какую нищю кладутъ кусокъ хлѣба, поданный имъ во имя Христова. Въ той кошницѣ лежало сокровище тяжкое: три отрока едва могли снять его. Благочестивый епископъ окропилъ золото святою водою, съ произношенiемъ сихъ словъ: «если ты отъ нечистой силы, то превратишься въ прахъ и пепель». Сокровище не превратилось въ прахъ и пепель. Тогда призвалъ владыка зодчихъ изъ Византии и соорудилъ великолѣпный храмъ. Не умираетъ въ народѣ память о бѣдномъ пастухѣ, строительѣ

богатаго храма, и зовется тотъ храмъ «Чабанъ-килиса», до нынѣшняго дня.

Чабанъ-килиса устояла противъ землетрясенія, послѣ шаго Ани въ XIV вѣкѣ, а уже молотъ Магомета Второго пробилъ ея прекрасный круглый куполь. Сказанное землетрясеніе погребло большую часть жителей Ани подъ развалинами ихъ домовъ. Оставшіеся въ живыхъ разбѣжались въ разные стороны. Часть ихъ поселилась тогда въ Тавридѣ. Нынѣшніе кривскіе Армяне — потомки авійскихъ гражданъ.

Кто знаетъ, можетъ быть, откуда же происходитъ и Баяндурскій мизанціонеръ, съ двумя мѣдалями, одной куртинско-пикой, двумя пистолетами и однимъ синимъ носомъ. Этотъ замѣчательный всадникъ прискакалъ къ намъ сегодня съ «хабаромъ» — извѣстіемъ, что баши-бузуки пытались отбить у Баяндурцевъ стадо скота съ пастбища; но шурагельская милиція помѣшала ихъ волчьему намѣренію и отогнала ихъ отъ Арпачая. Вѣрно, голодъ пробираетъ бѣдныхъ баши-бузуковъ, что они туда лѣзутъ.

За исключеніемъ этой новости, день прошелъ спокойно. Солнце не было погашено ни одной тучкой. Поздно уже, когда лагерь сталъ засыпать, мелкій дождикъ, возвращаясь откуда-то въ веселомъ расположеніи духа, вздумалъ мимоходомъ побарабанить въ наши палатки. Такъ, въ оные дни, когда мы ложились въ свою дѣтскую постельку, старый котъ приходилъ убавлять насъ своимъ мурлыканьемъ. Мы были вполне увѣрены, что онъ дѣлаетъ это изъ одной дружбы, по одной добротѣ сердца; но у стараго льстеца были низкіе, корыстные расчеты. На другой день, онъ явился къ намъ во время завтрака, чтобъ получить плату за свою вечернюю сказку. Мы отдавали ему нѣкоторую часть насущнаго дѣтскаго хлѣба, о которомъ умѣли уже молиться. Иногда и жаль было, но не хотѣлось остаться въ долгу предъ старикомъ. Опытный плутъ ясно видѣлъ наше великодушіе и безсовѣстно прикидывался недовольнымъ, даже удивленнымъ нашимъ неумѣньемъ цѣнить заслуги, преданности и усердіе. Онъ не бралъ первой подачки; онъ даже не замѣчалъ ея и, оставивъ на насъ свои безсовѣстные зеленые глаза, выразительно качалъ хвостомъ, дѣлалъ изъ него знакъ восклицанія. Въ этомъ неподвижномъ зеленомъ взглядѣ и въ этомъ восклицательномъ хвостѣ, мы читали упрекъ: «Эхъ ты, неблагодарный! такъ ли порядочные люди цѣнятъ пріятные таланты? Развѣ мо-

музыка на сонъ грядущій этого стоитъ?...» И мы отдавали ему все. Когда же, вслѣдъ затѣмъ, намъ приходилось разсчитываться за маленькое великодушіе, онъ, мошенникъ, оставался хладнокровнымъ зрителемъ и строилъ такіе глаза, какъ будто вовсе не былъ причастенъ дѣлу....

Тамъ же, 10 іюля.

Третьего дня, баши-бузуки пытались поймать Динейцевъ въ западню, которую такъ часто и надобно сказать, такъ искусно расставляютъ наши кавказскіе горцы: человекъ триста чадмоносныхъ наѣздниковъ бросились вдругъ изъ оврага на наши пикеты. Казаки сдѣлали отпоръ и, когда баши-бузуки показали тѣмъ, пустились было ихъ преслѣдовать; но, увидѣвъ впереди оврагъ, откуда нахло засада, они припомнили кавказскіе уроки и остановились вовремя. Напрасный трудъ ловить стараго воробья на мякинѣ. Сами на обухъ горохъ молотимъ.

Вчера къ намъ выбѣжалъ баши-бузукъ, Армянинъ, по его словамъ, насильно взятый въ «скудукъ» — службу. Онъ объявлялъ съ большой увѣренностію, божился и крестился, что у Турокъ уже сто тысячъ войска, что къ нимъ пріѣхали изъ Арарума новые «Ингилязы» и что они располагаютъ напасть на насъ въ приходящую ночь, со стороны Караяла. На слова его не обращено особеннаго вниманія, потому что всѣ эти выходцы твердятъ одно и то же и ужь престо надобно. «Якъ бы Богъ слухавъ чередника, вся бѣ череди згнула». Но на этотъ разъ предсказаніе было отчасти справедливо.

Ночью на 10 іюля, вся баши-бузуцкая конница, поддержанная сзади другими войсками, подошла къ нашему лагерю, на такое разстояніе, какъ прежде подходила днемъ. Главная колонна остановилась прямо противъ лагеря, въ почтительномъ отдаленіи, а баши-бузуцкая конница устремилась двумя кучами: одна направо, на Караяль, другая налево, къ оврагу Курюкъ-дара. По всей нашей аванпостной линіи загорѣлась перестрѣлка. Камковскій «лангъ пикетовъ», отъ Курюкъ-дара, удержался; Скобелевскій, отъ Караяла, былъ сбитъ. Баши-бузуки вскочили на ковецъ на Караяль. Это было въ самую минуту разсвѣта. Начали бить тревогу. Лагерь вскочилъ на ноги, и первый предметъ, представившійся его глазамъ, былъ Караяль, живописно устроенный турецкой конницей. Камковцы и Скобелевцы всѣ уже были на конѣ и въ дѣлѣ. Первые удерживали натиски непріятеля около оврага Курюкъ-дара; послѣдніе не давали сирійскимъ наѣд-

никамъ спуститься съ Караяла на площадь нашего лагеря. В короткое время, драгуны съ конной артиллеріей, а потомъ и пехота двинулись къ оконечности Караяла. Все пространство передъ нами было только передъ глазами, пестрѣло башни-бузуками. Сотни Скобелева пошли прямо впередъ, а третья, съ Фисенко направилась на Караяль. Арабы, покрывавшіе скаты горы, съ самаго низа, начали убираться на вершины. Фисенко достигъ ее лѣтомъ и ударилъ въ шашки. Въ нѣсколько минутъ гора была очищена. Здѣсь, между арабскими бурнусами, замѣчены были два черкеса, мѣжъ тѣхъ, должно быть, которые ходятъ въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета. Черкесы джигитовали на самомъ передѣ, по видимому, верховодили надъ остальными казачниками. Но едва Фисенко произнесъ: «въ шашки!» — словомъ, конечно, имъ знакомое, — блудные сыны Кавказа первые дали тягу.

Отбитые отъ Караяла и Курюкъ-дары, башни-бузуки долго еще вели перестрѣлку съ Линеицами. Число ихъ, по истинѣ, было «паче песка морскаго». На многихъ пунктахъ они сжимались, били въ бубны, грозно ревели «гала», по всѣмъ примѣтамъ, хотѣли чихнуть и оканчивали однимъ кривляньемъ, хотѣли идти въ пики и не шли. Вести было некому, конечно: не находилось смѣльчака, который привязалъ бы къ хвосту колокола чичикъ. Наконецъ донская батарея Додотина, выдвинутая впередъ Караяльскаго мыса, открыла огонь. Турецкая колонна, маячившая вдали, за башни-бузуки тучами, начала отступать; за нею начали отваливать башни-бузуки, и тѣмъ дѣло кончилось. А дыму-то, дыму сколько было! Всѣ, однакожь, ожидали въ это утро общаго боя. Драгуны и казаки послѣдніе, и не врежде, какъ около полудня, оставили поле ожиданія битвы. Но на этомъ полѣ ожиданія битвы казаки подняли десять убитыхъ Турокъ. Раненыхъ Аллахъ унесъ. У Линеицевъ ранено и контужено два офицера и 10 человекъ нижнихъ чиновъ; лошадей переранено больше десятка. Сотникъ Фисенко, сразившійся на вершинѣ Караяла, съ однимъ изъ арабскихъ предводителей, можетъ быть, какими нибудь эмиромъ, вѣрующимъ въ отъѣты коня, получилъ сабальную рану въ кисть правой руки. Кривая сабля скользнула по кличку шашки, до самой рукояти, и какъ у насъ не было никакой охраны для руки не имѣется, то и досталось по рукамъ. Доброму кологривому коню освободителя Караяла досталась

пистолетная пуля въ шею. Изъ храбрыхъ его Хоперцевъ одинъ казакъ проколотъ шикомъ въ животъ, почти насквозь.

Турки, и въ этотъ разъ, ничего не доказали; но если они добивались только приблизиться къ Караялю, чтобъ взглянуть на расположеніе нашего лагеря (нѣкоторые увѣряютъ, что видѣли на Караялѣ ментальменовъ съ плакатомъ), то надобно сознаться, что они достигли своей цѣли. «Но мы, значитъ, бережемъ такое сокровище, какъ Караяль. Не что же особеннаго приобрѣли наши противники отъ минутнаго прыжка на эту гору? Имена позиція для нихъ совсѣмъ не тайна: она должна быть имъ знакома, какъ свои «бешъ бармакъ» — пять пальцевъ, потому что ихъ передовые караулы располагались на этой самой мѣстности въ продолженіе нѣсколькихъ недель. Это, безъ сомнѣнія, затѣя какого нибудь новоприбылаго «Ингилиза», который ничему на свѣтѣ, кромѣ собственныхъ глазъ, вѣрить не хочетъ. Или, можетъ быть, предполагали они у насъ окопы, укрѣпленія? Въ такомъ случаѣ, они судили, какъ иса — «по совѣсти своей». У нихъ такая охота рыться и огораживаться, что если станутъ только на ночлегъ, то ужь навѣрное окопаются: безъ того имъ «юхумъ гельмезъ» — дурно снится. Армяне говорятъ, что ихъ лагерь окопанъ въ нѣсколько линій и впереди заложены такія страшныя мины, что, какъ только Русскіе подойдутъ, всѣ взлетятъ на воздухъ. «Мугаммедъ расуль алла».

Въ шибѣннее утро, несмотря на тревогу, посланы были двѣ колонны вверхъ противъ теченія Карсчая: одна, изъ конно-мусульманской бригады, съ полковникомъ, княземъ Андрониковымъ, въ турецкую деревню Курдо, для наказанія ея жителей за вооруженное участіе въ набѣгахъ на нашъ Баяндуръ, и другая, въ болѣе сильномъ составѣ, съ генераломъ Кишинскимъ, въ необитаемую турецкую деревню Бекюкъ-Паргитъ, для разбора ея буйволятниковъ на дрова. Князь Андрониковъ взялъ въ Курдо 300 головъ рогатаго скота, 500 барановъ и 6 человекъ жителей, болѣе значительныхъ въ своемъ обществѣ, оставивъ неприкосновенными ихъ семейства и жилища. Между тѣмъ, генералъ Кишинскій нагрузилъ повозки лѣсомъ, добытымъ изъ жилища Бекюкъ-Паргита, и уже готовъ былъ начать обратное движеніе къ лагерю, какъ явились къ нему жители сосѣдней армянской деревни Кучюкъ-Паргитъ. Они объявили, что Турки вымѣстятъ на нихъ, какъ христіанамъ, и наказаніе, сдѣланное деревнѣ Курдо, и сломъ правобѣрной деревни Бекюкъ-Паргита,

и что имъ не остается другаго спасенія, какъ бѣжать на другую сторону, подъ покровительствомъ нашего оружія. Генералъ Шинскій принялъ этихъ бѣдныхъ людей, съ ихъ женами, детьми и пожитками, какіе могли они схватить наскоро, и привелъ ихъ въ лагерь. Большая часть ихъ имущества, запасы хлѣба, ямахъ и домашнія птицы брошены на мѣстѣ. Все это подверглось грабежу турецкой конницы, которая стояла вблизи, какъ волчья стая, и наскочила на деревню тотчасъ по удаленіи нашего отряда. Одинъ Армянинъ, замедлившій присоединиться къ отряду, съ своей тяжело наложенной арбой, былъ убитъ башки бузуками. Бросившіеся на выручку, драгуны спасли его семейство, бывшее на арбѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Арменія, сколько несчастные ея жители испытали тревогъ, насилій, потрясеній, поспѣшныхъ переселеній! Въ какихъ частяхъ свѣта нѣтъ ихъ! И, между тѣмъ, какая живучесть и плодовитость въ этомъ разбросанномъ племени! Несмотря на многоженство, въ турецкихъ домахъ всегда меньше дѣтей, какъ въ армянскихъ. Тревога, пересадка, гнетъ какъ будто содѣйствуютъ размноженію. Нѣтъ, не то. Лашите народъ отечества, исключите его изъ государственной и общественной дѣятельности и закройте у домашняго очага — вотъ онъ и пойдетъ множиться, какъ крапива по глухимъ закоулкамъ. Народъ, не имѣющій отечества, долженъ сильнѣе размножаться, чѣмъ имѣющій его, потому что онъ не будетъ расходоваться ни на военную, ни на другую службу, ни даже на пороки общества. Турки не берутъ Армянъ ни въ какую службу. Египтяне также поступали въ отношеніи къ Евреямъ и дали имъ размножиться внѣ всякихъ обыкновенныхъ пропорцій въ государствѣ. Смотрите, правовѣрные, чтобъ и съ вами не поступилъ оттертый отъ государственной жизни народъ, какъ поступили Евреи съ строителями пирамидъ.

Тамъ же, 12 іюля.

Чтобъ не дать турецкой конницѣ еще разъ вскочить на Карагалъ, при чемъ она была бы умнѣе, построены, на самой вершинѣ этой горы, небольшой редутъ, въ которомъ каждую ночь будетъ располагаться пѣхотный караулъ. Подобныхъ пунктовъ не убережешь одной конницей.

Турки перевели башки-бузуковъ съ праваго на лѣвый флангъ своего лагеря. Намъ казалось, что ихъ слѣдовало держать здѣсь съ самаго начала, потому что въ эту сторону лежатъ сообщенія

нашихъ противниковъ. Но наши глубокомысленные противники могли рассчитывать, что мы нападёмъ на нихъ съ той стороны. Это выходитъ отъ башки-кадыкы марскаго поля. Оттуда безпокоятъ ихъ грозные призраки: вотъ они и заслонились было отъ нихъ башки-бузуками. Но что же значитъ теперь это перемѣненіе? Не лихорадочное ли предпріятіе съ той же самой стороны? Въ этотъ день, съ вечера у насъ было отдано приказаніе послать коней и людямъ спать, не раздѣваясь.

Мы ждали ночнаго нападенія. Звѣздное небо прекрасно. Не всегда оно бываетъ такъ открыто и не всегда даритъ такимъ торжественнымъ зрѣлищемъ. Въ кавалерійскомъ смыслѣ, считать звѣзды значитъ голодать. Но здѣсь можно было предаться звѣздочетству съ успокоеннымъ желудкомъ. Что за сонъ съ пистолетомъ за поясомъ и поводомъ на рукѣ! Раскинь бурку и лежи, съ лицомъ, обращеннымъ къ темно-голубому своду; смотри на эти недосягаемые міры и думай: есть ли тамъ жители, воюютъ ли они и хорошо ли дерутся; есть ли тамъ казаки, по черкесски ли они вооружены или по средневѣковому; сохранили ли они воинственный духъ, любятъ ли похвастать, особенно за чаркой... Все это передумаешь, когда не имѣешь ни малѣйшаго понятія объ астрономіи. Въ эти минуты приходитъ ко мнѣ убѣжденіе, что военный человекъ долженъ имѣть понятіе объ астрономіи, какъ прежде, тысячу разъ, приходило ко мнѣ другое убѣжденіе, что онъ долженъ знать ботанику. Сколько скучныхъ, тяжелыхъ, глупыхъ часовъ слѣлаются для него часами наслажденія, когда онъ перестанетъ ѣсть пряники не писанные и будетъ умѣть читать въ книгѣ природы, написанной растеніями и ночными свѣтилами!

На этихъ высотахъ звѣзды лѣтней ночи кажутся ближе, ярче и гуще, чѣмъ у насъ. Онѣ не блестятъ, онѣ горятъ, какъ костры.

Какъ въ мразный ясный день, зимой,

Пылаки инея сверкають,

Вратятся, зыблются, сіяють,

Такъ въ безднахъ звѣзды полъ тобой...

Прекрасенъ Божій міръ, а умирать надо. Надо умирать, чтобъ отечество жило. Можетъ статься, есть тамъ, въ эти минуты, исключительные люди, которые думаютъ иначе и, забываясь поглубже подъ теплею одѣяло, благословляютъ тихомолкомъ

свой жребій, что онъ удалилъ ихъ отъ войны и трудовъ, страданій и смерти. Пускай она тамъ себѣ и остаются. Суворовъ никогда бы за ними не погнался и не пожалѣлъ бы объ ихъ существованіи. Но когда уже всѣмъ любить жизнь больше всего свѣтъ и жертвы отдѣльныхъ существованій оскудѣютъ, тогда придетъ смерть отечеству, и немобильный народъ сдѣлается рабомъ другаго народа, не столько животолюбиваго, какъ онъ. Останется народъ, но не будетъ уже отечества. Въ силу такого порядка вещей, образованная и гордая Византія поникла челомъ подь оттоманскимъ ярмомъ, и потомокъ Фемистокла сдѣлался чубукчи Турка.

Дерево, состарѣвшееся и посохшее на своемъ пнѣ, идетъ на дрова. Дерево, срубленное въ цвѣтушую пору своего роста, идетъ на изящныя созданія искусства и живетъ въ нихъ несравненно дольше, чѣмъ сколько приходилось ему прожить до естественнаго разрушенія на корнѣ. Въмѣсто того, чтобъ превратиться въ пепель и быть выброшенныхъ въ яму, въ углу двора, оно сдѣлается предметомъ удивленія въ храмѣ, дворцѣ, казармѣ, станичной избѣ.... Воинъ, чувствующій смущеніе предъ грядущимъ боемъ, пускай этотъ примѣръ тебя ободритъ и одушевитъ....

Тамъ же, 14 июля.

Зіанъ одды — раззореніе да и только: за косу, купленную въ Гумри, за одну полосу косы, безъ принадлежностей, заплачено 2 руб. 30 коп. сер. Одинъ огурецъ въ нашемъ лагерѣ стоитъ полъ-абаза, что значитъ гривенникъ. За то и огурцы! «Гора, хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ». Отнесемъ же ихъ къ предметамъ роскоши и скажемъ по заповорожски: съидѣль макъ не родиль, а голоду не было. Будемъ довольны тѣмъ, что трава у насъ ни по чемъ. Сегодня башни-бузюки разрѣшили намъ сдѣлать фуражировку подь самымъ носомъ ихъ инокетовъ, впереди Караяльскаго мыса, и оттуда вытекло слѣдующее правоученіе. Въ дополненіе рекрутскихъ школъ и разныхъ руководствъ, которыя составляютъ для кавалерійскихъ солдатъ, надобно, чтобъ кто нибудь занялся еще составленіемъ руководствъ для полевой фуражировки, въ виду непріятеля. Заглавіе этому, какъ я думаю, не толстому сочиненію можно дать: зеленая фуражировка; а данныя надобно взять у Нижегородцевъ. Они косятъ и вячатъ, какъ говоритъ нашъ операторъ, классически. Въ этомъ дѣлѣ они гораздо живѣе и наметаннѣе, чѣмъ

русскіе драгуны. О казакахъ ужъ и говорить нечего: казакъ наскребетъ въ одинъ часъ столько выюковъ, сколько Тредьяковскій писалъ стиховъ, и едва ли выюки не будутъ еще тяжелѣе гексаметровъ Талызинды. Неопытность кавалеріи по части зеленой фуражировки обнаруживается прежде всего въ томъ, что она долго выбираетъ, топчется и не станетъ сразу на одномъ мѣстѣ, а этого теряется время на фуражировкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, драгоцѣнное.

При отступленіи въ лагерь, мы обминули движущійся по дороге отрывокъ великороссійской уѣздной жизни. Въ сторонѣ отъ выюковъ и артельныхъ повозокъ, катитъ себѣ бричонка добродушной деревенской наружности. Пара толстобрюхихъ русскихъ лошадокъ тащатъ ее труспой. Старый кожаный верхъ покачивается взадъ и впередъ, какъ старый чепецъ на бабушкѣ, поспѣшающей за внучкой. Высокая, некрашенная и отъ времени почернѣвшая дуга легла назадъ, какъ бываетъ передъ тѣмъ, когда коренной суждено выпрягаться. На козлахъ сидитъ рослый русскій дѣтина, съ рыжей бородкой, стрижка въ скобку, шапочка набекрень, а цвѣтная рубаха ужъ извѣстно какъ. Онъ помахиваетъ кнутикомъ и вапѣваетъ пѣсенку. Дома ли онъ, или въ Туречинѣ, выпряжется ли коренная и гдѣ выпряжется — до лагеря или ужъ въ самомъ лагерѣ — ему все равно. Изъ-подъ застегнутаго фартуха выглядываетъ трава.

15 июля.

Съ аванпостовъ провели къ корпусному командиру двухъ турецкихъ перебѣжчиковъ. По этому случаю происходилъ у моей налатки откровенный разговоръ между двумя драгунами. Забыли они, что здѣсь стѣны очень тонки и въ горницѣ слышно, о чемъ на улицѣ толкуютъ. Одинъ голосъ, съ густымъ малороссійскимъ отливомъ, говорилъ: «Сказываютъ, что они взяты въ плѣнъ; да зачѣмъ же у нихъ, бѣсовыхъ сыновъ, сабли и пистолеты? Вотъ какъ бы мнѣ, не приведи Богъ, пришлось попасть въ плѣнъ, я зарубалъ бы напередъ челоуѣкъ сколько, а тогда нехай уже и меня рубаютъ». — «И то правда», отвѣчалъ другой голосъ, съ болѣе мягкимъ оттѣнкомъ.

И перебѣжчики и лазутчики одно твердятъ, что Турки собираются атаковать насъ ночью, въ лагерь. Всей кавалеріи отдано приказаніе держать на ночь лошадей въ сѣдлѣ.

Хлѣба, видите, созрѣваютъ вокругъ насъ и жатва приближается. Но жители, побросавшіе свои дома и поля, не хотятъ

возвратиться и работать въ нашемъ присутствіи, какъ будто мы имъ мѣшали. Они приступаютъ къ муширу съ просьбою, чтобъ онъ заставилъ насъ удалиться силою своего оружія, славеннаго въ Башь-Кадийнъ-Дарѣ. Баши-бузуки тоже шутятъ, затѣмъ, что окрестность пуста и кормиться имъ нечего. Если муширъ, говорятъ они, еще будетъ медлить, мы разжимся. Если муширъ, кричатъ жители, будетъ сидѣть на мѣстѣ, мы перейдемъ въ русское подданство. Бѣда муширу: сперва Русскіе, сзади хребетъ горъ, вправа крикъ жителей, слѣва ропотъ баши-бузуковъ — тѣсно ему со всѣхъ сторонъ.

Отчего, въ самомъ дѣлѣ, сидитъ муширъ? Чего онъ ожидаетъ? Ужъ, кажется, притянулъ онъ къ себѣ все, что могъ. Зачѣмъ дѣло стало? Изъ множества мнѣній, высказываемыхъ по этому, всѣхъ одинаково занимающему, предмету, одно очень замѣчательно. Слѣдовало бы слѣдовать изъ него чучелу и отправить въ какой нибудь музей. Муширъ въ сношеніяхъ съ Шамилемъ! Какъ у нихъ происходятъ эти сношенія: по воздуху? посредствомъ голубиной почты? Это вопросы второстепенныя. Но доказательствомъ ихъ сношеній служитъ вторженіе Шамиля въ Кахетію — происшествіе, о которомъ вчера пришли къ намъ въ лагерь передовыя извѣстія. Изъ того, что рассказываетъ многому не хочется вѣрить; но не подлежитъ сомнѣнію во всемъ, что Шамилъ перелѣзъ чрезъ снѣговой хребетъ, не боясь отпорошить себѣ уши, спустился на Алазань, пограбилъ Циндалы, взялъ въ плѣнъ семейство одного изъ князей Чавчавадзе и убрался назадъ, прежде, чѣмъ наши успѣли стяннуться. Два нижегородскіе дивизіона сдѣлали девяносто верстъ за однимъ почеркомъ, но все-таки не успѣли.

— Кахетинское, господа, будетъ дорого: Шамилъ все вынулъ, говорятъ одни.

— Шутите, возражаютъ другіе: — но это вторженіе разожетъ руки муширу: оно сдѣлано въ его пользу.

— Неужели? Но какая же отъ него польза муширу?

— Такава, что мы можемъ отдѣлить часть войскъ на Дезюгскую Линію, и тогда муширъ начнетъ дѣйствовать наступательно.

— Казалось бы, мы и такъ не въ исполнскихъ силахъ; но если онъ будетъ ждать еще большаго сокращенія нашего отряда, то какъ бы не пришлось ему просидѣть въ Хаджиавали до самой зимы.

— Конечно. На Дезюгской Линіи вотъ какія и вотъ какія войска; она обойдется безъ нашей помощи.

— Да, притомъ, господа, положительнo можно сказать, что циндалское вторженіе не повторится, — по крайней мѣрѣ, скоро не повторится. Надобно знать военное правило горцевъ на этотъ счетъ.

Мысль объ этомъ судили и разсуждали на грузинскомъ обществѣ у князя... Шамилевская комбинація сильно пострадала. Наконецъ послѣдніе ея защитники бѣжали отъ ея знамени, когда князь С*** Ч*** началъ разсказывать грузинскую легенду. Походженія Чичикова называютъ поэмой; почему же не быть легендой ижеслѣдующему разсказу, почерпнутому изъ глубокой старины Грузинъ?

«Когда-то, еще до царя Вахтанга Мудраго, грузинскій званарь и татарскій муэдзинъ ѣхали по одной дорогѣ и философствовали о разныхъ высокихъ предметахъ, потому что ихъ должность помѣщена очень высоко. Въ полдень они остановились покормить коней. Грузинъ досталъ изъ сумъ пучекъ зеленого лука да черствый лавашъ и предложилъ своему спутнику раздѣлить съ нимъ скудную трапезу. «Не могу, говоритъ Татаринъ, у насъ теперь постъ». Грузинъ примолвилъ: «и у насъ сегодня среда, однакожь завтракать можно». Цозафракавъ одинъ за двоихъ, онъ продолжалъ ѣхать съ голоднымъ Татаринномъ, до сумерковъ. Какъ только показалась на небѣ краюшка молодого мѣсяца, съ неразлучной одинокой звѣздочкой, Татаринъ остановилъ коня и сказалъ: «дурь-дурь, здѣсь ночуемъ». Слѣвали, пустили коней на траву. Совершивъ омовеніе семи членовъ и по томъ намазъ, примехонько на Мекку, Татаринъ выложилъ изъ своихъ пестрыхъ сумъ баранину, индюка, лепешки съ масломъ и медомъ и множество другихъ жирныхъ яствъ. «Божь — прошу покорно», говоритъ онъ Грузинну. Картули бросило въ жаръ; всѣ жилки его желудка звучатъ, какъ струны чогура; слюна набѣгаетъ на языкъ, какъ пѣнистая волна на песчаную косу морскаго берега... Но онъ выдержалъ искушеніе и отбѣчалъ слабымъ голосомъ: «не могу, йодданъ: у насъ сегодня среда». Отодвинувшись подальше одинъ отъ другаго и ставъ ужинать врознь, одинъ съ отличнымъ, другой съ посредственнымъ аппетитомъ. «Страшный у васъ постъ, говоритъ Татаринъ, бросаю въ сторону сладко оглоданную кость бараньей лопатки, ѣшь, да только не дсе; я ужъ этого понять не могу.» — «А я,

возразилъ Картули, оканчивая свое короткое сужоленіе, могу понять, зачѣмъ вы обливаются водой двадцать разъ въ день, какъ гуси.» — «Загѣмъ, чтобъ быть чистыми.» — «Да чистота нужнѣе внутри, чѣмъ снаружи. Когда ты хочешь вымыть ружье, ты его чистишь внутри, и когда хочешь привести чорбу, ты моешь котелъ внутри, а не сваружи. Такъ и ты, то ѣшь, а того не ѣшь — это для того, чтобъ быть чистымъ внутри, выподоскать котелъ.» Слово за слово — споръ разгорался. Заспорили о вѣрѣ — чья вѣра лучше. Постой же татарскій бурдугъ, думаетъ Грузинъ, а тебѣ отомщу и за баранину, и за индюшку, и за жирныя лепешки. «Сосчитаемъ, говорятъ онъ, посты: въ какой вѣрѣ больше постовъ, та и лучше; вѣдь ты знаешь, что постъ въ вѣрѣ то же, что серебряная бляха подь чернью на поясѣ.» Рѣшились сосчитать посты, но не просто, а съ уговоромъ — что постъ, то и ослуха противнику. Счетъ началъ Татаринъ, и Грузину досталось всего то двѣ, три пощечины. Потомъ приступилъ къ дѣлу Картули. Засучивъ рукава по самый колоть, онъ говоритъ: «у насъ, братъ, есть семь недѣль великаго поста.» — «Вай!» — «Ничего, не бойся, дарю тебѣ ихъ дарю.» — «Спасибо.» — «У насъ есть еще пять недѣль Петрова поста.» — «Вай, вай!» — «Дарю тебѣ и ихъ.» — «Берекегъ версынъ. Ну, что жь, и все генерь?» — «Нѣтъ, дожди. Есть у насъ еще спасовки, есть филиповки; да что ужъ вѣрно, нынче день такой: и это все уступаю тебѣ даромъ, а вѣдь только за что возьму плату по уговору. Стань крѣпче на ногахъ, йолдашъ. Середа, пятница, середа, пятница...» И пошелъ катать, пока не сосчиталъ на ланитахъ поклонника луну всѣхъ середы и пятницы въ году.»

17 июля.

Сегодня напугали мы Турокъ безъ всякаго злаго умысла. Ихъ регулярная конница объѣла уже долину около своего лагеря и вздумала фуражировать въ соседствѣ съ нашими дачами подь холмомъ Кабахъ-тапа (холмъ-тыква), къ сторонѣ Картули. Чобъ не быть замѣченною нашими пикетами, она пробралась туда еще до разсвѣта и, скрывшись въ лощинѣ, спокойно пошла и выючила траву. Холмъ Кабахъ-тапа заслонялъ ее отъ нашихъ передовыхъ постовъ. Ничего этого не зная, наша кавалерія отправилась, послѣ ранней каши, къ тому же холму съ тѣмъ же травояднымъ намѣреніемъ. Турки замѣтили наше движеніе прежде, чѣмъ мы могли подозрѣвать ихъ присутствіе

холмомъ. На насъ донесли имъ, конечно, ихъ наушники—баши-бузуки. И вотъ посылаютъ они гонца въ свой лагерь — кто въ пророка вѣруетъ, помогите: сарылары (русые) хотятъ насъ отрѣзать. Въ минуту поднялась въ ихъ лагерь страшная тревога, и войска выстроились въ направленіи къ Кабахъ-тапа. Это произошло именно противъ нашего лагеря, а какъ бы въ обходъ, со стороны Курюкъ-дара. Пѣхотные табуры шагали очень проворно между тѣмъ, толпа баши-бузуковъ подняла пыль въ противоположную сторону, къ армянскому селенію Огузлы. Странная была ясно видно, какъ они наскочили на бѣдное селеніе, наводнили его и начали отгонять скотъ у жителей. Какъ видно, на огузлинскихъ Армякъ мало подозрѣніе, что они извѣстны намъ о ночномъ выступленіи турецкой кавалеріи. Досадно мушпру, что его секретныя распоряженія никакъ не поддержатся въ тайнѣ, и вотъ онъ произнесъ гнѣвное рѣшеніе съ свойственною турецкому правосудію поспѣшностію. Несмотря на суматоху у неприятеля, наши фуражиры остановились въ своемъ мѣстѣ и принялись за работу. Между тѣмъ, неприятельская пѣхота шагала все впередъ, чѣмъ дальше, тѣмъ тише, но все, однакожъ, къ намъ ближе. Въ свою очередь, ударили тревогу и въ нашемъ лагерѣ. Но въ это время наши фуражиры уже управились съ повозками и вьюками и начали отходить въ лагерь. Турки увидѣвъ, въ чемъ дѣло, остановились, приняли свѣихъ фуражировъ и потащились назадъ, домой. На этомъ обратномъ пути, пророкъ послалъ имъ омовеніе изъ огромной сѣрой тучи, изъ которой брызгнуло нѣсколько канель и на насъ, не творящихъ омовеній. Тѣмъ дѣло кончилось. Гдѣ же и бывать квипроквокамъ, какъ не на войнѣ?

А это равнѣ не квипрокво: мы ждемъ ночнаго нападенія отъ Турокъ, а Турки ждутъ его отъ насъ? Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ сегодняшній турецкій дезертиръ, низамъ маленькаго роста, съ физиономіей и ухватками мыши. Драгуны пригласили его пообѣдать и потомъ просили показать, какъ у нихъ дѣлаютъ ружьемъ. Въ порывѣ признательности за гостеприимство, турецкій солдатъ отбивалъ такіе темпы, корчилъ такіе рожи, что даже эскадронные вахмистры надрывали животики со смѣху. Но этого мало: онъ принялся еще показывать, какъ турецкіе солдаты по ночамъ ждутъ нападенія Русскихъ: присѣлъ, злодѣй, на корточкахъ и началъ дергать плечами, какъ будто ему было холодно; потомъ протянулъ руку къ воображаемому огню,

как бы достать уголекъ, и началъ хлопать губами, глотать и затаиваться: онъ курить. Сперва онъ двигалъ губами часъ задоромъ, а потомъ все тише и спокойнѣе, пока наконецъ пресытился и не опустилъ подбородокъ на грудь. Тутъ уже пришло кохумъ — сонъ, и, послѣ небольшого сопротивленія, овладѣлъ имъ. Ружье вывалилось изъ рукъ, глаза совсѣмъ закрылись, а остался настежъ, въ знакъ полнокровія турецкаго солдата. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ вздрогнулъ, вскочилъ на ноги, давай метаться, какъ угорѣлый, да кричать: тюфенкь, тюфенкь — ружье, ружье! Эта штука крѣпко понравилась драгунамъ. Потому онъ еще показывалъ, какъ ходитъ турецкій солдатъ и какъ русскій, какъ подходитъ къ фронту паша и какъ генераль; первое исполнялъ онъ очень медленно и мѣшкова, а послѣднее очень живо, задрать голову вверхъ. Наконецъ, когда уже мимическій его талантъ совсѣмъ истощился, мы ввели его къ себѣ въ палатку и угостили кофеемъ. Онъ рассказывалъ намъ, что ихъ войска продовольствуются неисправно, не получаютъ всего, что положено, а положено будто бы всего вволю. Суточный «стантъ» — хлѣбный раціонъ — принимается отъ рядчика нерѣдко черствый и даже заплеснѣвшій; обкраденъ на дорогѣ къ солдату, кусокъ мяса достигаетъ наконецъ отдѣленнаго онбаша — унтеръ-офицера, который обкрадываетъ его въ свою послѣднюю очередь и потомъ еще распоряжается имъ съ величайшимъ произволомъ — кому не захочетъ, не дастъ и поцокать. Нашъ гость, по пристрастнымъ дѣйствіямъ своего онбаша, частенько бывалъ обнесенъ мясной порціей, плавалъ въ морѣ чорбы (супу), а къ острову баранины не приставалъ и съ досады на то бѣжалъ.

Драгуны надавали ему полонъ карманъ жѣдныхъ денегъ. Онъ просилъ насъ объяснить ему ихъ значеніе въ гурмакѣ. Цѣнность нашего серебра онъ знаетъ, потому что его выдаютъ въ ихъ лагерь.

Правоученіе: кто хочетъ убѣдиться въ добротѣ ружья солдата, пускай посмотритъ на его обращеніе съ безоружнымъ непріателемъ.

Еще, кажется, не было такого хлопотливаго дня, какъ въ радище 19 числа. Никогда еще баша-бузуки не были такъ дерзки и никогда «меркезъ-казаклары» — Линейцы, не задавали имъ такой жестокой клочки. Что-то есть дѣтскаго въ характерѣ

баша-бузуковъ: то они разлѣзятся, какъ буйволы, то вдругъ распрыгаются, какъ козлы. Вчера, съ ранняго утра, стали они налѣзать на наши пикеты и часа три безъ умолку вели пустую болтовню, называемую конной перестрѣлкой. Весь полкъ Камкова и всѣ сотни Скобелѣва должны были выѣхать на передовые посты, чтобы не дать имъ пошатнуться. Когда уже начало жечь солнце, баша-бузуки перестали жечь порохъ; но они съѣзжались въ кучи, строились и держали себя въ угрожающемъ положеніи. Хотя и разъяснилось уже, что они только закрываютъ свою регулярную кавалерію, которая вышла фуражировать, опять у Кубахъ-тапа; но все же нельзя было предоставить пикеты самимъ себѣ въ виду этой безчисленной орды. Камковцы и Скобелѣвцы простояли, такимъ образомъ, за полдень. Жара была несносная. Люди были голодны, кони хотѣли пить. Наконецъ пришли драгуны и стали въ резервъ пикетовъ. Казаки, за исключеніемъ очередныхъ, были отпущены. Въ это время, баша-бузуки начали было разсыпаться и посылать свои пули, летящія далеко, правда, но безтолково. Взводъ драгунъ сѣшился, рассыпался въ стрѣлки и немногими выстрѣлами заставилъ баша-бузуковъ отойти на прежнее почтительное разстояніе. Слѣжены были Тверцы. Надобно отдать имъ справедливость: у нихъ есть всѣ приемы хорошихъ стрѣлковъ. Солдатъ ищетъ кочки, кустика, изловчается, подназываетъ, не пускаетъ выстрѣла даромъ; видно, что онъ беретъ за дѣло съ любовью и знаніемъ, совершенно въ духъ нашихъ пластуновъ. Надобно еще прибавить, что ружья хорошо бережены, несутъ далеко и вѣрно. Мы знаемъ, кому вороная драгунская бригада обязана этимъ береженіемъ и дорогому духу солдатъ и ихъ оружія! Еслибъ то же самое было и въ другихъ войскахъ, прибывшихъ изъ внутренней Россіи, не существовало бы тогда никакой разницы между тѣмъ, что приготовлялось для войны тамъ и что здѣсь, на Кавказѣ.

Толмачъ Аракекъ поддерживалъ драгунскихъ стрѣлковъ изо всей силы, со всѣмъ усердіемъ мухи, помогавшей проѣзжать. Онъ искалъ отличія и отличился... чрезвычайнымъ желаніемъ провозвести опустошеніе въ рядахъ баша-бузуковъ, всему его племени ненавистныхъ. Поднявъ свою длинную, какъ пика, винтовку и яростно скрежеща зубами, онъ летѣлъ впередъ и не безъ того, чтобы не оглянуться разъ, другой назадъ: не отбѣхать бы ужъ слишкомъ далеко. (Благоразуміе, такъ свойственное его племени, не покидало его и здѣсь.) Потомъ онъ поворачивалъ коня,

какъ слѣдуетъ, бокомъ, дѣлалъ нѣсколько горячихъ скачковъ, производилъ нѣсколько обидныхъ для баши-бузуконъ выстрѣловъ и, въ заключеніе, отчаянно стрѣлялъ. По совершеніи ужаснаго дѣйствія, вообразивъ себя осыпаннымъ градомъ пуль, онъ мчался назадъ, съ лицомъ, зарытымъ въ гриву, и съ винтовкой, отставленной за спиною. Но онъ закрывалъ себя отъ пуль, навсимиыхъ ему созданаго пылкимъ воображеніемъ. И бывъ благополучно къ мѣсту служенія, онъ обращался къ своему офицеру съ вопросомъ: видалъ ли тотъ, какого слава свалилъ онъ баши-бузуконъ? Въ поощреніе неусыпной его дѣятельности, ему дали утвердительный отвѣтъ, съ прибавкою: молодецъ! Тогда онъ начиналъ просить патронъ, хотя у самаго себя подъ мышкой цѣлый зарядный ящикъ «Давай, ценою патронъ, скоро давай: башу будемъ стрѣлать; я видалъ, а стоитъ баши — теперь не уйдетъ...»

Всѣ звѣри, дѣлвшіе добычу, смѣялись, когда заяцъ говорилъ имъ:

Да изъ дѣсу то кто жь — все я его пугалъ
И къ вамъ поставилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка.

Однако же, зайцу данъ клочекъ медвѣжьего ушка. На вой то же бываетъ.

Спасая нашу отъ навадокъ разгоряченнаго Аракеда, баши-бузуконъ повалили наконецъ совсѣмъ въ другую сторону, къ Огузламъ. Наши пикеты, на всемъ протяженіи отъ Курюкъ дара до Караала, остались въ покоѣ. Драгуны отпущены въ лагерь; но, на всякій случай, одинъ дивизионъ, со взводомъ линейной казачей артиллеріи, помѣщенъ въ боковомъ углубленіи Караала, такъ чтобы съ поля не могъ онъ быть примѣтенъ. Дѣнь клонился къ вечеру. Небо подернулось слегка тучами. Воздухъ былъ тихій и душный. Въ подобномъ состояніи погоды, отъ выступанья изъ кожи крупными каплями, хотя бы вы не знали движения. Малѣйшій шорохъ слышенъ далеко, и далеко слышенъ воздухъ вамъ чудятся невнятные звуки.

Перекочевать къ Огузламъ — это выходитъ уже по другую сторону Караала, гдѣ его изнанка — турецкая конница, которая крима всю огузлинскую долину. Ея было тысячъ пять, если не больше. Дѣйствовала ли она по плану, или скиталась отъ вѣтра, дѣлать, трудно было опредѣлить: такъ безпорядочно и

такимъ огромномъ пространствѣ была она разсыпана. Нельзя было, однакъ, не замѣтить, что она вся подавалась къ Карачаю, на дер. Арганъ. Тамъ стоялъ нашъ небольшой отрядъ, высланный съ утра для обезпечиванія колонны, отправленной въ Александрополь. Турки могли ея отобрѣзать и раздавить своей многочисленностію. Чтобы не допустить ихъ до этого, выдвинута часть войскъ съ задняго края лагеря, прямо по ущелью, отдѣляющему Караала отъ Кара-огузи. Часть эта стала въ виду баши-бузуконъ, на плоскомъ пригоркѣ, господствующемъ надъ огузлинской долиной.

У турецкой конницы есть замашка кружиться, переваливаться съ боку на бокъ, не зная, что дѣлать, и потомъ броситься сразу, напредъ на предзадуманный пунктъ. Замашка старая для Русскихъ. Еслибъ Турки бросились теперь на Арганъ, мы взяли бы ихъ во флангъ и даже въ хвостъ. Они смекнули это, пріостановились и потомъ начали отдаваться назадъ, опять къ Огузламъ. Въ это время, наши чапарханъ, по праву вольныхъ людей-охотниковъ, спустились съ пригорка, выскакали въ долину и завязали перестрѣлку. Видъ былъ моськи, лающей на слона, съ тою только разницею, что этотъ слонъ не былъ такъ равнодушенъ и гордъ, какъ тотъ, котораго провелъ дѣдушка Иванъ Андреевъ. Турки напустились на чапархановъ съ радостію; чапарханъ жутятся, а Турки еще пуще насѣдаютъ. Крѣпко прижатые удалымъ искали попятнаго двора уже не тамъ, откуда выжили, не у кара-огузинскаго ущелья, а вонъ гдѣ, у Караалскаго мыса, куда упирается лѣвый флангъ нашихъ пикетовъ. Тамъ стояли Скобелевцы. Бѣдные чапарханъ тянули на нихъ всю турецкую конницу. Едва казаки успѣли дать знать въ свой лагерь, что на нихъ несется туча, какъ уже туча и вотъ она — брызгнула градомъ. Пикеты подались, но въ ту же минуту были поддержаны тремя сотнями Скобелева, которыя не сидѣли спустя рукава и выскакали съ отличной быстротой. Три храбрыя сотни столкнулись съ необъятной неприятельской конницей. Онѣ окружены. Передъ ними раздается ободряющій голосъ офицера, достойно носящаго эскельбантъ царскаго адъютанта. На этотъ голосъ отзываются бывалые люди: «будьте покойны, ваше высокоблагородіе! стоимъ, ваше высокоблагородіе!» Уже они, по своему кавказскому обычаю, готовы сбѣжиться и превратиться въ недолимую скалу, какъ вотъ онъ — Камковъ, съ своими шестью сотнями. Драгунскій дивизионъ, спрятанный

въ одномъ изъ нишей Караяла, также двинулся на высь «Въ пашки!» скомандовали и Камковъ и Скобелевъ. Но запретилъ подъ смертной казнью вынимать ружье изъ еще въ ту минуту, какъ выскакалъ изъ лагера...

Былъ одинъ кровавый день для храбрыхъ Линеицевъ, — первой встрѣчи съ восточной конницей, между Баяндуро Александрополемъ. Историческая мельница Банеца была дѣлательницею несчастія учениковъ адигскихъ наездниковъ того дня. Камковъ намоталъ себѣ на усь замѣтку, что жечь рохъ съ турецкой конницей значитъ ободрять ее, курить ей мѣамъ, и что мгновенный ударъ въ пашки всегда дастъ надъ поверхность, въ какомъ бы ни была она числѣ. Пускай пишдлинныя разсужденія объ атакахъ легкой конницы различны оружіемъ; но ларчикъ всегда будетъ просто открываться: кони пушены шибче и чьи всадники очертили голову рѣшительнѣе, тотъ и побѣдетъ. И не одна только смѣлость всадника, но смѣлость коня всегда будетъ играть первостепенную роль. Лучшихъ рубакъ на Кавказѣ, Шапсуговъ, развитіемъ смѣлости въ конѣ занимаютъ столько же, какъ и ловкости въ Ыздокъ. В числѣ другихъ видовъ джигитовки есть такой, въ которомъ коню пріучается толкать грудью супротивнаго коня, чтобъ сбить въ бокъ и доставить сѣдову профиль противника. Аванасій Федоровичъ Камковъ все это знаетъ. Онъ истинный представитель станицы, славной красотой и удалью казаковъ. Онъ Чувленецъ. Въ его станицѣ пропѣлъ поэтъ казачью колыбельную пѣсню:

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой;
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой....

Его боевая кавказская жизнь полна подвиговъ и похвалъ. Настоящій богатырь съ виду, онъ много вынесъ такого, другому было бы совсѣмъ не подъ силу. Одинъ разъ, въ Чеченствѣ, онъ былъ брошенъ раненый на мѣстѣ, гдѣ нашъ отрядъ понесъ пѣль поражение. Истекшій кровью, истощенный голодомъ, и трои сутки скитался по лѣсамъ непріятельской земли. Богъ могъ ему добраться до Терека и потомъ выходиться. Въ слѣдующемъ условномъ бою, онъ былъ изъ первыхъ, предложившихъ совѣтъ спѣшиться, сбатовать коней и биться до послѣднихъ

человѣка. И отсюда онъ вынесъ то же убѣжденіе, что стрѣльба въ конномъ бою вещь пустая. «Чеченцы—говорить онъ—могли бы тогда раздавить насъ въ одну минуту, еслибъ не вынимали ружья изъ чехла; но они завели стрѣльбу, торопились, просыпали порохъ изъ гильзы, при заряданьи, и посылали намъ пули, большая часть которыхъ безсилы были пробить даже кожу. Я вынесъ—прибавилъ онъ—нѣсколько сняжковъ, изъ которыхъ каждый могъ бы быть смертельной раной.»

Какъ человѣкъ, довольно на своемъ вѣку побывавшій на конѣ и подъ конемъ, Камковъ тяжело страдаетъ иногда отъ рацъ и ушибовъ, но никогда не поддается страданію, не дичится съ нимъ и не даетъ застояться своему сѣрому кабардинцу. Никто не видалъ, чтобъ онъ морщился и хмурился. Напротивъ, взоръ его всегда ясенъ и рѣчь направлена шуткой. Если, въ его присутствіи, начнутъ говорить по французски, онъ приметъ важный видъ и, обратясь къ говорящему, зауститъ ему скороговоркою и въ носъ: «самъ панъ тре, у макитрѣ маруся тре, макогомомъ микита тре-тре-тре.» Въ носъ и скороговоркою — это выходитъ часто по французски. И какъ возражать на это рѣшительно ничего, то разговоръ тотчасъ переходитъ изъ чужой въ свою, православную рѣчь. Глубоко русскій человѣкъ, Камковъ очень уважаетъ г. С—а за его русское мужество, за русскую прямоту души и русское почтеніе къ святынѣ вѣры; но какъ г. С—ъ не только линеецъ, но и гвардеецъ, и еще съ эксельбантомъ, то Аванасій Федоровичъ любитъ съ нимъ пофранцузить и часто, встрѣчаясь на аванпостахъ, привѣтствуетъ своего дорогаго соратника: «бонъ журъ, каманъ ву портеву?» Г. С—ъ, тоже богатырь съ виду и русскій человѣкъ душой, отвѣчаетъ: «слава Богу; а ву команъ ву портеву?» Тогда уже слѣдуетъ: «самъ панъ тре» и проч.

Камковъ встрѣтилъ первые выстрѣлы нынѣшней войны на Арпачаѣ. Въ высокихъ тюрбанахъ, гремучихъ пикахъ и бѣшеной скачкѣ Курдовъ онъ увидѣлъ что-то такое, чего не видалъ въ Чечнѣ; но, присмотрѣвшись поближе въ Башъ-Каджъ-Ларѣ, гдѣ Линеицы, съ донскимъ артиллеристомъ Кульдачевымъ, отстояли наше лѣвое крыло, онъ рѣшилъ, что все это пустяки предъ голой пашкой и ударомъ по первому движенію сердца. На этомъ рѣшеніи онъ основалъ правило не вынимать ружья изъ чехла ни въ какомъ сколько нибудь важномъ случаѣ

и этому правилу, слѣдуетъ безъ всякихъ для себя притворствъ и убытковъ....

Турки ошетинились былые пиками; но, на *неблагодарности*, никакой ужь ничего не докажешь. Едва передохли, а уже врубались въ башни-бузуккую толпу, какъ вся она покатилась назадъ и зашумѣла, чей конь сильнѣе. Засучили сабли, какъ кавказскіе рубачи и потѣшились вволю. Рубили на вѣтрахъ лучшихъ всадниковъ, похуже пропускали мимо. Такъ, было и съ лѣсокрадъ — да простятъ мнѣ это сравненіе — забравшись самую средину лѣса, проходить мимо кривыхъ и малорослыхъ деревьевъ и останавливаетъ топоръ только на томъ, что есть бору самото рослаго и стройнаго. Казаки гнали неприятеля къ реке версты, пока онъ не разсѣялся во всѣ стороны, какъ пыльный полъ. Между башни-бузуками замѣчено было нѣсколько джеменовъ въ велико-британскихъ мундирахъ. Крѣпко добивались до нихъ наши молодчики; но, къ сожалѣнію, наши кони не успѣли до ихнихъ, да, притомъ же, удирали они на самомъ передѣ, ниже всѣхъ пригнувшись къ гривамъ.

На мѣстѣ легло турецкихъ всадниковъ до ста человекъ, сколько же ушло съ намѣченными спинами и разстроенными турбанами! У казаковъ ранены 1 офицеръ и 6 рядовыхъ — холоднымъ оружіемъ. Дѣло ведено, стало быть, на чистоту, безъ пороховой черноты. Въ добычу побѣдителямъ доставлено много оружія и лошадей. И то и другое, правду сказать, довольно плохо. Шашка того, чей голосъ ободрялъ казаковъ, началъ болѣть, обогрившись турецкой кровью. По обычаю, существующему на Терекѣ, казаки не допустили вложить ее въ ножны и везли открытою до самаго лагеря. Какой же подарокъ они дали молодцовъ въ лагерь! Ихъ сосѣди, егеря Бѣлевскаго полка, сочувствуя русской душой лихой русской удали, явились къ нимъ съ поздравленіемъ и съ четырьмя манерками *манатка* веселящаго солдатское сердце. Добрые солдаты слѣдали за чинувъ изъ своихъ порціонныхъ чарокъ, чтобы угостить храбрыхъ товарищей. Что къ этому прибавить? Скажешь только: «спасибо, братья!» и ничего больше не выговоришь.

Надвинулась туча. Небо и воздухъ приняли цвѣтъ мутной воды. Пошелъ мелкій и холодный дождь, какой идетъ осенью. Тихо и печально спустились сумерки на лагерь. Изрубленные тѣла башни-бузуковъ мокли цѣлую ночь на полѣ стычки. Ихъ оставили съ тѣмъ, чтобы сами Турки ихъ брали. Сегодня, рѣ-

утромъ, они ихъ подняли, безъ малѣйшаго помѣшательства отъ нашихъ пикетовъ, послѣ чего вся наша кавалерія выдвинулась туда же, впередъ пикетовъ, на фуражировку. Начала гулять кося, гдѣ вчера гуляла шашка. Мы заняли сѣнокосъ верстахъ въ трехъ вѣсѣди Караля, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде ставили башни-бузуккіе пикеты. Это уже выходитъ забираться въ чужую дачу. Наши сосѣди, съ которыми мы не въ розовыхъ отношеніяхъ, зазвонятъ, пожалуй, искомъ; но мы имъ выставимъ статьи дѣловой № 7 батареи....

Эти статьи были выставлены по окраинѣ обширной котловины, куда можно упрятать нѣсколько десятковъ тысячъ войска и отсюда уже до самаго порога турецкихъ палатокъ стелется ровная долина. Вотъ куда заманивали насъ Турки, прежними своими перѣшительными движеніями на Караля. Башни-бузуковъ совсѣмъ почти не было видно. Совершенная пустота лежала до самаго турецкаго лагеря, и все тамъ какъ будто спало. Фуражировка шла весело. Трава была въ поясъ. Изъ-подъ травныхъ выюковъ у лошадей видѣлись одні только головы, и наши благородные буцефалы имѣли видъ черепахъ. Самъ К***, вѣчно недовольный фуражировкою, теперь былъ доволенъ и очень весело говорилъ объ измѣненіяхъ, необходимыхъ для кавалерійскаго устава. Не фуражировка была, а масляница. Музыка играла, пѣсенники пѣли. Явился сводный завтракъ, съ кавказскими, съ анекдотами изъ семейной и холостой жизни и даже съ дыней, пріѣхавшей изъ Эривани, съ того самаго поля, на которомъ былъ насаженъ Ноемъ первый виноградъ (ибо Эривань лежитъ у подошвы Арарата).

21 іюля.

Опять фуражировка на томъ же мѣстѣ и съ тойже обстановкой. Вотъ что называется фуражировать приѣвочуи! Опять та же пустота къ сторонѣ неприятельскаго лагеря. «Проснитесь, правдолюбивые: молитва лучше сна!» А куда вы дѣвали дорогихъ нашему сердцу башни-бузуковъ? Куда скрылись тѣ, которые наполняли и оживляли эту пустоту? Увы! Пагубное намѣреніе Аракеда застрѣлить ихъ пашу повергло ихъ въ совершенное уныніе. Огузлинскіе Армяне, которые привозятъ сельскія произведенія и «хабары», какъ въ нашъ, такъ и въ турецкій лагерь, говорятъ, что, въ дѣлѣ 19 числа, башни-бузуки потеряли до 300 чел. убитыми и ранеными и что съ того же вечера начались у нихъ страшные побѣги. Вотъ вамъ и Черкезъ-казакларъ!

Отправляйтесь рассказывать о нихъ на берегахъ Тигра и Евфрата, а мы, если Богъ приведетъ, будемъ о васъ рассказывать на берегахъ Кубани и Терека. Вы къ каждому выразитесь, будете прибавлять: шайтанъ шайтанлыкъ, а мы тоже примемъ свое какое нибудь слово.

22 июля.

Поутру прискакалъ офицеръ, окруженный Донцами и Кавказами. Это курьеръ изъ эриванскаго отряда. Онъ привезъ добрую вѣсть. Двѣнадцати-тысячный турецкій отрядъ пошелъ было отъ Баязета къ нашей границѣ, по дорогѣ на Эривань. Нашъ эриванскій отрядецъ двинулся ему навстрѣчу. Нужно было подниматься верстъ пять на хребетъ Чингыль. Поднялись. Солнце начинало уже сильно прижаривать. Турки стояли на самой вершинѣ хребта, въ сѣдловинѣ, чрезъ которую баязетская дорога перевисла, какъ саквы чрезъ сѣдло. Ни обойти ни пріятеля, ни дѣйствовать на его фланги не было возможности: его фланги были уперты въ скалистые бока, въ притоки этой канитки. Высоты, господствующія надъ турецкой позиціей, на обѣихъ стороны — такъ сказать, луки сѣдловины — были покрыты Курдами, или волками, потому что Курды значить волки. Приходилось, безъ всякихъ хитростей, лѣзть прямо на турецкій фронтъ, какъ на крѣпостную стѣну. А тутъ еще, у самой подношвы этой стѣны, озерцо, и въ немъ воды по колѣно. Старички Кавказцы перекрестились, перебрали чрезъ озерцо (вѣдь у нихъ сапоги выше колѣна) и полѣзли на стѣну. Безъ пороха, съ однимъ штыкомъ влѣзли. Въ это мгновеніе, отъ сильнаго зноя, что ли, Туркамъ сдѣлалось дурно: они опрокинулись навзничъ и покатались подъ гору, къ Баязету. Ихъ лагерь и обозъ, 4 пушекъ и нѣсколько особенныхъ значковъ, въ видѣ зонтика, съ лунками наверху и бубенчиками вокругъ, достались побѣдителямъ. Изъ разсказу очевидца, это было лихое дѣло, лучшей образчикъ отваги, твердости и настойчивости войскъ, привычныхъ къ горной войнѣ. Генералъ Врангель велъ горсть этихъ войскъ на Чингыль.

Теперь, когда наши боковые отряды, и справа и слѣва, увѣнчались лаврами, пора бы и намъ что нибудь заработать. Уже эта Курюкъ-дара, съ однимъ и тѣмъ же Караяломъ, опротивѣла — вотъ покуда. Прилагаю къ ней начало вирши, которую мы учили когда-то у нашего ясновельможнаго дядка, по случаю приближенія Великодня:

Не такъ обрида намъ граматка,
Лѣтъ хрінъ да релъка та прегадка.

Нашъ отрядъ сдѣлался зато слишкомъ осѣдлымъ. Наши палатки наполнились мухами. У нашихъ коновязей куры несутъ яйца. Наши телати проторили въ турецкимъ долинамъ русскія дороги. И сколько угодно: съ одной то во полѣ дороженька пролегла. Деревянные кресты надъ нашими покойниками образуютъ кладбище, какъ около станицы... Въ первые дни здѣсь, на стоянцѣ, на вершинѣ караяльскаго мыса, гдѣ помещался «всеядящій» пикетъ и гдѣ начальникъ кавалеріи устроилъ себѣ шалашикъ, нашли мы гнѣздо птички, съ тремя птенцами. Мы взяли птичку, съ ея малолѣтней семьей, подъ свое покровительство. Въ отсутствіи матери, мы кормили птенцовъ мухами. Самой матери, казаки бросали крохи отъ своихъ завтраковъ. Птичка къ намъ привыкла и совсѣмъ не боялась нашего присутствія. Наконецъ ея дѣти выросли и улетѣли съ нею Богъ знаетъ куда. Гнѣздышко опустѣло. Вотъ какъ долго стоимъ мы у этого Караяла!

Въ сумерки, сидѣли мы въ палаткѣ М***, надъ самымъ оврагомъ Курюкъ-дара. Курили и говорили о томъ, что у насъ у всѣхъ болитъ. Полѣ были подняты настезь. Молнія сверкала близко и ярко, какъ порохъ на полкѣ. Громъ грохоталъ надъ лагеремъ. Вдругъ внутренность нашего пріюта и глубина оврага освѣтились, какъ днемъ, и гроза ударила въ скалу, у самыхъ дверей палатки. Мы были наминуту ослѣплены и оглушены. Сѣрный запахъ распространился въ воздухъ, и дождь полилъ, какъ изъ ведра. Никто не помнитъ, чтобъ онъ испытывалъ на своемъ вѣку что нибудь подобное. Въ лагерѣ поднялся шумъ и гамъ. Коня сорвали коновязи и шарахнулись въ разные стороны. Едва, едва ихъ урезонили.

Нравоученіе: при наступленіи ночи съ грозой, казачьихъ лошадей у коновязей надобно треножить, — по крайней мѣрѣ, самыхъ сердитыхъ.

Тамъ же, 30 июля.

Суворовъ любилъ подшутить надъ парадной встрѣчей, ему приготовленной, и пріѣзжалъ на перекладной, когда его ожидали въ каретѣ, и проскользалъ въ какой нибудь закоулокъ, когда его дожидались у заставы. Такъ, большею частію, происходятъ событія, которыхъ долго ждутъ. Ожиданіе не обманывается — событіе приходитъ, но не такъ, какъ его ждали: или не съ

той стороны, или не въ тотъ часъ, или не съ той совѣтской стороны. Случается и то, что, прождавши долгое время, на одномъ мѣстѣ, и получивъ послѣднее извѣстіе, возьмутъ да и сойдутъ съ мѣста, чтобъ ускорить свою встрѣчу съ событіемъ; а оно тутъ и идетъ, и вы едва-едва не разминулись съ нимъ...

23 числа, фуражировали даже еще обыкновеннаго. Башни-бузу ожили и даже пытались завязать разговоръ опогодѣ, — пуетой разговоръ, называемый перестрѣлкой на конѣ. Казаки не захотѣли поддержать его, потому что турецкіе наѣзники заговаривали слишкомъ далекими обиняками — лукавый ихъ пойметъ. Возвратились въ лагерь въ добромъ здоровьи. День кончился, и ночь началась, какъ вчера, позавчера и прежде. Заревой выстрѣлъ съ гранатой грянулъ, пѣсня смолкла, «Отче нашъ» прочитанъ и «Боже, царя храни» пропѣто. Барабанъ сказалъ скороговоркою по солдатски: доброй ночи, а труба нѣжно и нараспѣвъ, какъ старая барышня, пожелала спокойнаго сна. Наши ночные караулы выѣхали, и пѣхотная стража покарабкалась къ своему караюльскому редуту.

Уже первые разъѣзды начали отправляться, какъ въ темнотѣ мелькнули двѣ бѣлыя фигуры, — мелькнули и пропали. Черезъ минуту онѣ снова показались и снова спрятались между камнями. Къ нимъ подѣхали, опросили. Это были два Армянина изъ Огузловъ, раздѣтые до рубахи, облитые потомъ и задыхающіеся отъ усталости. Черезъ силу могли они говорить. Вотъ что они сказали:

«Мы бѣжали во весь духъ: все боялись попасть къ башни-бузукамъ. Чтобъ облегчить себя, мы побросали на дорогѣ свои плащи и куртки. Теперь мы изъ дому — батюшка насъ послалъ и благословилъ — а предъ закатомъ солнца мы были въ турецкомъ лагерѣ: продавали тамъ хлѣбъ. Мы замѣтили, что Турки собираются куда-то идти ночью: въ палаткахъ все уложено, солдаты посѣдлали лошадей, при пушкахъ тоже были лошади въ хомутахъ, низамы получали ромъ, съ самаго обѣда отправлялись большіе обозы въ Карсъ... знать, въ Карсъ хотятъ идти...»

Въ минуту вѣстники доставлены къ корпусному командиру. Позваны генералы на совѣтъ. Рѣшено: сломать лагерь, оставить всѣ тяжести въ вагенбургѣ, подъ прикрытіемъ сапернаго баталіона, съ двумя сотнями донскихъ казаковъ, и выступить по дорогѣ на Карсъ, съ трехъ-дневнымъ продовольстіемъ. Редутъ на Караяль приказано было очистить и всѣ наши передовые кара-

улы убрать, потому что, съ движеніемъ на Карсъ, Караяль уже долженъ былъ оставаться назади. Изъ предположеній, какія могла родить минута, вѣроятнѣйшимъ казалось то, что Турки предпринимали отступленіе къ Карсу; а потому, вытянувшись по карсской дорогѣ, отъ насъ будетъ зависеть ударить на нихъ во флангъ или въ хвостъ и принудить ихъ принять бой тамъ, гдѣ намъ будетъ выгодно. Было уже около полуночи, какъ палатки начали валиться, повозки нагружаться и отъѣзжать въ вагенбургъ. Шумъ и трескъ пошелъ такой, какъ будто бы ночью ураганъ налетѣлъ на лагерь и въ нѣсколько минутъ разрушилъ его до основанія.

Лучшей мѣстности, какъ та, которую занялъ нашъ вагенбургъ, нельзя себѣ представить. Это — возвышенная площадь, круто обрѣзанная съ трехъ сторонъ низовьемъ оврага Курюкъ-дара и глубокой долиной Карсчая. Остальная открытая сторона укрѣплена искусственно. Опытный кавказскій саперъ К. П. Кауфманъ умѣлъ сдѣлать изъ этого лоскута земли настоящую крепость. Но открытая сторона вагенбурга обращена не въ лагерь, а въ поле. Это самое замедляло движеніе туда повозокъ, потому что нужно было сперва подниматься вверхъ по оврагу Курюкъ-дара, до того мѣста, гдѣ онъ начинаетъ уже быть удобопереѣзжаемымъ, а потомъ слѣдовать опять внизъ, по другому его берегу. Темнота ночи была вторымъ затрудненіемъ. Какъ бы то ни было, однакожь, дѣло шло хорошо; повозки отходили шумнымъ и непрерывнымъ потокомъ.

Между тѣмъ, войска вытягивались по карсской дорогѣ и строились въ двѣ походныя колонны, вправо пѣхота и нѣшая артиллерія, влѣво кавалерія, съ конной артиллеріей. Последняя сложилась гораздо скорѣе первой. Чтобъ не мѣшать пѣхотѣ, мы выдвинулись довольно далеко впередъ отъ лагернаго мѣста. Удостоверившись почти ошущю, что все размѣстилось по диспозиціи, мы слѣзли. Начальникъ кавалеріи былъ на самомъ передѣ. Къ нему подѣхали графъ Ниродъ и нѣкоторые командиры драгунскихъ и казачьихъ частей. Далеко позади насъ шумѣли повозки, двигавшіяся къ вагенбургу; ближе слышались по временамъ голоса офицеровъ, строившихъ впотѣмахъ пѣхотную колонну. Въ турецкомъ лагерѣ пылали большіе огни.

— Это, господа, длинная исторія, слѣзайте-ка, тихе скажите генераль Багговутъ подѣхавшимъ къ нему командирамъ. Слѣзли, присѣли и повели вполголоса бесѣду о наступаю-

немъ днѣ. Громко разговаривать было запрещено, курить — это напомнило намъ, кавказскимъ служакамъ, наши передвиженія подъ аулы. Замѣчу здѣсь кстати, что никакой шумъ не выдастъ такъ скоро ночного движенія, какъ звуковъ человеческого говора. Да что говора? Чирканье какого-нибудь куличка Богъ знаетъ, гдѣ слышно, между тѣмъ, какъ стукъ га и колеса расплываются въ воздухъ, на недалекомъ разстоянн.

Большинство собесѣдниковъ было въ пользу предположенія, что Турки уходятъ къ Карсу. Но были голоса и противъ.

— Отчего же не допустить, что Турки предпринимаютъ на насъ рѣшительное наступленіе противъ насъ? Сколько уже разъ ихъ ждали?

— Да, это легко можетъ быть, и какъ жаль, что караинскіе аванпосты сняты!

— Чего жъ тутъ жаль? Караинъ могъ имѣть значеніе, но мы оставались на мѣстѣ, а теперь онъ ничего не значитъ.

— Конечно, ничего, если Турки отступаютъ къ Карсу...

Въ такомъ родѣ шелъ разговоръ. Всѣ согласились наконецъ, что, такъ или иначе, а наступающій день будетъ днемъ общаго боя и рѣшить судьбу кампаніи нынѣшняго лѣта. Генералъ Батоговъ припоминалъ башъ-кадыкъ-ларскій бой и дѣлалъ полныя замѣчанія насчетъ веденія атаки противъ турецкихъ войскъ.

Повѣяло разсвѣтомъ. Собесѣдники задремали: кто сидя, кто склонивъ голову на плечо сосѣда или на камень. Всѣ были въ буркахъ; а эта волшебная мантия доставитъ вамъ, во всякомъ положеніи, прекрасную постель и одѣяло. — «Что у тебя подослано, товарищъ?» — «Мѣшокъ.» — «Чѣмъ ты одѣтъ?» — «Мѣшкомъ.» — «Что въ головахъ?» — «Мѣшокъ.» — «Да сколько же ихъ у тебя?» — «Одинъ.» — Эту русскую притчу вполне можно примѣнить къ буркѣ.

Я не дремалъ, но съ головою былъ погруженъ въ бурку. Станнымъ мнѣ казалось, зачѣмъ Турки идутъ къ Карсу, такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, какъ будто ихъ укусила оса. Но, думалъ я, большая война... можемъ ли понимать ее мы, потомцы малой войны? Чему могла научить насъ наша малая кавказская война? Сохранять приличную осанку и приличное обращеніе въ бою — не кланяться каждой встрѣчной пулѣ, не шурить глазъ предъ лезвиемъ сабли, не оборачиваться спиной къ публикѣ. Чему же она научитъ больше?... Малая война — нянька; большая война — профессоръ... Вдругъ чья-то рука тронула

меня по плечу. Смотрю — урядникъ Иванъ Захаревичъ Дрепновъ (сто разъ заслуживалъ бы ты лучшаго имени!), нашъ неразлучный спутникъ на аванпостахъ, а въ бою носильщикъ значка начальника кавалеріи. Не желая нарушать общаго спокойствія, онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою; я поднялся и отошелъ съ нимъ несколько шаговъ въ сторону.

— Смотрите на Караинъ, сказалъ онъ тихо, но какъ-то особенно выразительно.

Караинъ былъ отъ насъ уже верстахъ въ четырехъ, если не больше. Выдвигаясь по каресской дорогѣ, мы круто уклонились отъ него вправо, на западъ, а онъ оставался на востокъ. И вотъ, въ настоящую минуту, его черный гребень рѣзко отбѣялся противъ блѣдой полосы начинающагося разсвѣта. По этому гребню двигались едва замѣтныя тѣни, и что-то немало.

Первая мысль и первыя мои слова были: не застряло ли тамъ чегонибудь отъ нашихъ ночныхъ карауловъ? Старый Гребенецъ отвѣчалъ съ совершенною увѣренностію:

— Нѣтъ, всѣ до единого человѣка съѣхали, а Бѣлевцы изъ редута напередъ всѣхъ вышли.

Вмѣстѣ съ нимъ мы убирали ночные караулы, и теперь онъ сосчиталъ до пальцевъ, что было выражено и что снято.

— Значитъ, Турки?

— Безпримѣнно Турки, побей меня Богъ — Турки.

Я послѣшилъ доложить о замѣченномъ начальнику кавалеріи, и скоро вся колонна обратила вниманіе на Караинъ. Были еще голоса, которые твердили: наши! что за пустяки! Но присутствіе непріятели на вершинѣ этой горы не подлежало больше сомнѣнію.

Между тѣмъ, пѣхотная колонна окончательно выстроилась и подтянулась. Разсвѣтало.

— Это должны быть каналы башы-бузуки, сказалъ мнѣ генералъ Александръ Федоровичъ: — они могутъ броситься на отсталыя повозки; возьмите одну сотню у Камкова и прогоните ихъ, а если встрѣтите чтонибудь особенное, давайте скорѣе знать; но не отступайте ни въ какомъ случаѣ — я подоспѣю.

Я вскочилъ на коня и, пока сотня выдвинулась, взвѣхалъ на ближайшій бугорокъ...

Съ этого мгновенія начинается событіе, принадлежащее исторіи.

Мы полагали, что находимся на самомъ переди и что даль-

ше насъ никого уже нѣтъ; но каково было мое удивленіе, когда въ нѣсколькихъ шагахъ впереди себя, я увидѣлъ кучку всаковъ.... Это былъ князь А. И. Барятинскій, съ своими ордами. Онъ бодрствовалъ впереди всѣхъ войскъ добрымъ нѣмъ, что сейчасъ и будетъ видно.

— Попросите ко мнѣ генерала Багговута, сказалъ князь.

Генералъ подѣхалъ. Князь продолжалъ:

— Турки наступаютъ и Караялъ уже занятъ ими. Возьми часть кавалеріи, поспѣшите къ Караялу и постарайтесь овладѣть имъ; мы будемъ стронуть туда боевую линію.

Лицо и голосъ князя выражали величайшее спокойствіе, и въ самомъ этомъ спокойствіи было что-то торжественное, потому что минута была торжественна.

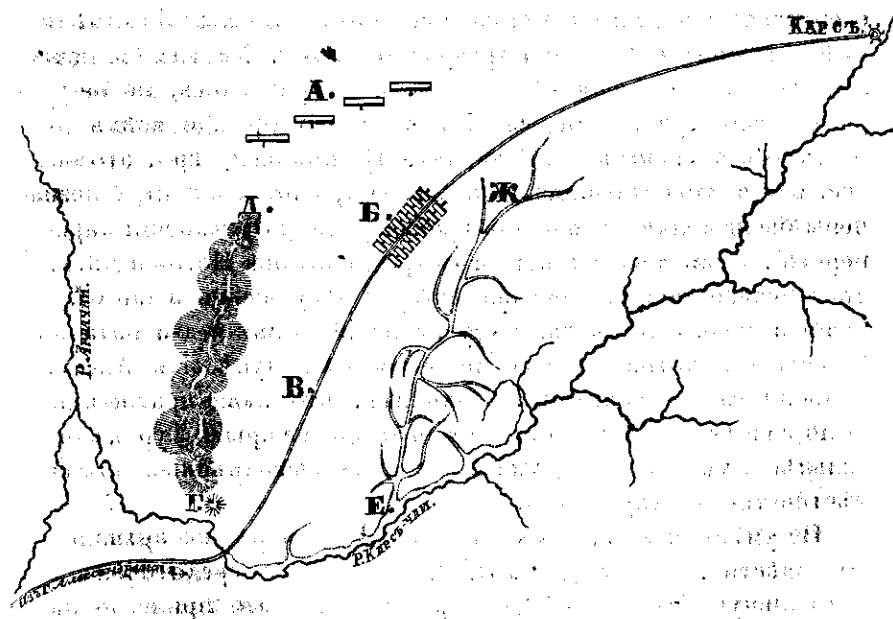
Съ холмика, на которомъ стоялъ князь, видѣлись, въ полусвѣтѣ перваго разсвѣта, черныя тѣни, одинаковой величины, медленно движущіяся. Турки были въ полномъ наступленіи, построеныя уступами, правымъ флангомъ впередъ и прямо на Караялъ, оконечность котораго была уже занята особымъ передовымъ отрядомъ.

Правый флангъ непріятельской линіи уже достигалъ Караяла, а лѣвый значительно оттягивалъ. Наши длинныя походныя колонны находились противъ лѣваго турецкаго фланга. Приказаніе, полученное генераломъ Багговутомъ, значило, что мы сдѣлаемъ шагъ назадъ и построимся впереди нашего лагернаго мѣста, параллельно построенію Турокъ. Правый нашъ флангъ будетъ у вершины оврага Курюкь-дара, лѣвый—у оконечности горы Караяла.

Толковали послѣ — обыкновенно послѣ хорошаго дѣла находятъ тысячи средствъ сдѣлать его еще лучше — толковали, въ часы досуга, почему мы не развернулись на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ увидѣли непріятеля, и не пошли прямо на его лѣвое крыло или на его средніе уступы. Но трудно допустить, чтобы мы дошли по этой дорогѣ до побѣды. Устремившись прямо впередъ себя, противъ лѣваго крыла Турокъ, бывшаго еще далеко, мы подставили бы свой лѣвый флангъ правому турецкому крылу; тотчасъ оно сдѣлало бы перемѣну фронта направо, и вышла бы буква Т: палочка сверху — Турки, палочка стоймя — мы. Положимъ, что и мы тогда сдѣлали бы перемѣну фронта направо, отказавшись уже отъ нападенія на лѣвое турецкое крыло: въ такомъ случаѣ это лѣвое крыло, все двигаясь прямо, охватило

бы нашъ правый флангъ. Выходить, куда ни кинь, все клинь. Еще было бы хуже, если бы мы пошли на средніе уступы непріятельской линіи: тогда уже оба наши фланга были бы обйдены въ одно время, и, можетъ быть, еще скорѣе, чѣмъ мы успѣли бы придти къ столкновенію съ средними уступами. Турокъ было противъ насъ втрое больше. Представьте же себѣ, что на одного изъ насъ идутъ трое, поводячи, одинъ за другимъ и все въ бою, одинъ отъ другаго. Бросится ли нашъ боецъ на средняго противника? бросится ли на задняго? Конечно, нѣтъ; но, по самому естественному расчету, онъ бросится на передняго, чтобы не допустить бить себя, ни съ боку, ни съ тылу, а ужъ лучше заставить двухъ заднихъ противниковъ поддерживать передняго и всѣхъ трехъ имѣть съ лица. Силенка, слава Богу, есть: одному кулакъ, другому пинокъ — авось и справимся. Другое дѣло хитрость, лисьи увертки: тамъ ужъ на силу кулака и на авось не всегда возьмешь. Но Турки небольшіе охотники лисить въ бою.

Вотъ въ какомъ положеніи находились мы и они въ самую первую минуту:

А Турки, Б Русскіе, В мѣсто русскаго лагеря. ГГ гора Караялъ, оконечность Д уже занята передовымъ турецкимъ отрядомъ, ЕЖ оврагъ Курюкь-дара, близъ Е русскій вагенбургъ.

Нужно ли прибавлять, что, бывши втрое слабѣ нашихъ пѣхотниковъ и зная это положительно и заблаговременно, могли жертвовать неудачу своимъ сообщеніемъ, а также запасами, госпиталями — словомъ, нашимъ вагенбургъ. Нашъ вагенбургъ и наше сообщеніе мы не иначе могли жать за собою, какъ только сдѣлавъ шагъ назадъ и пошли параллельно неприятелю, для чего было еще и... Если бы мы, бросивъ напропалую наше сообщеніе, бились сего и остались побѣдителями, то насъ только-только что осудили бы, на томъ единственномъ основаніи, что побѣда не судятъ; но, въ случаѣ проигрыша, не нашлось бы ни одного голоса въ нашу защиту....

Итакъ, приказано было снѣшить къ Караюлу, чтобы завладѣть имъ въ пользу нашего лѣваго крыла.

Три сотни Скобелева понеслись туда во весь духъ и, такъ сказать, протянули черту нашего боевого порядка. Вслѣдъ за ними двинуты по этой чертѣ три дивизіона Нижегородцевъ, донская батарея Долодина (№ 7), три сотни донскаго № 20 полка, двѣ конно-ракетныя команды, четыре баталіона Бѣлевскаго егерскаго, два Тульскаго пѣхотнаго полка, Кавказскій стрѣлковый баталіонъ и Тверской драгунскій полкъ. Хотѣлъ бы исполнить все въ томъ порядкѣ, какъ оно отправлялось, но не удалось исполнѣ, такъ ли было, потому что прежде всѣхъ долженъ былъ скакать къ Караюлу. По крайней мѣрѣ, это было все, изъ чего составилось наше лѣвое крыло. Въ центръ назначены были полки Грузинскій гренадерскій и Эриванскій карабинерный, а для праваго крыла — три дивизіона Новороссійскаго драгунскаго полка, донская батарея Двухженнова (№ 6), линейный полкъ Камкова, мусульманскіе полки и два баталіона Рязскаго пѣхотнаго полка, прибывшіе накануне изъ Александрополя съ транспортомъ. Выходитъ, что наше правое крыло было слабѣ лѣваго: это потому, что правое крыло Турокъ было сильнѣ ихъ лѣваго крыла и обладало выгоднѣйшей для себя мѣстностію — Караюломъ.

Не умѣю сказать, какъ размѣщена была пѣшая артиллерія, но извѣстно, что генералъ Э. В. Бриммеръ сосредоточилъ у себя сильную батарею въ нашемъ центрѣ, и это принесло намъ большую пользу.

Противъ оконечности нашего лѣваго крыла, подъ прямымъ угломъ къ нему угломъ, поставлены были, вдоль подошвы Караюла,

нему лицомъ, два дивизіона Новороссійскаго драгунскаго полка, съ дивизіономъ Кавказской казачей артиллеріи. Ихъ назначеніе было — не допускать турецкую конницу, покрывавшую Караюла, спускаться въ долину, въ нашъ тылу. Затѣмъ, въ резервъ оставалось всего два баталіона Тульскаго полка. Они стали позади нашего центра, и приказъ назначенъ былъ перевязочный пунктъ.

Ясно теперь, что мы размѣстившись не только параллельно неприятельской линіи, но еще сдѣлали загибъ глаголемъ, повернутымъ назадъ, потому что и неприятельская линія дѣлала такой же точно крючекъ. Вотъ къ этому-то крючку неслись три сотни Скобелева. Приближаясь къ Караюльскому мысу, онѣ увидѣли, что онъ сильно занятъ неприятельской конницей, пѣхотой и горной артиллеріей. Скалистые бока мыса были усыяны стрѣлками, которыхъ красныя фесы чуть были замѣтны изъ-за сѣрыхъ камней, въ сѣромъ утреннемъ воздухѣ. Не было уже возможности отнять эту высоту одной конницей. Линейцы остановились на почтительномъ разстояніи и развернулись противъ праваго фланга неприятельской линіи. Этотъ флангъ состоялъ, въ первую минуту, изъ нѣсколькихъ полковъ регулярной конницы и подавался впередъ очень медленно, чуть-чуть шевелился. Впереди разсыпана была густая цѣпь. Всадники въ цѣпи держали карабинъ на ляжкѣ и равнялись, пара противъ пары, отлично. Флюгера на пикахъ были — красный цвѣтъ съ бѣлымъ. Недолго думавши, Линейцы разсыпали свою цѣпь и начали оправляться для джигитовки. Тогда, въ тихомъ утреннемъ воздухѣ, звучно раздалась у Турокъ труба, по которой ихъ цѣпь и двигавшаяся за ней колонна остановились. Можно было догадаться, что ихъ правый флангъ слишкомъ уже опередилъ лѣвый и что его сочли нужнымъ придержать. За это имъ спасибо: это дало возможность сформироваться нашему лѣвому крылу.

Солнце взошло.

До этой минуты, Линейцы стояли одни на нашемъ лѣвомъ крылѣ, еще пустынномъ. Но вдали уже двигались сюда Нижегородцы и пѣхота. У Турокъ раздалась труба; ихъ цѣпь исчезла, и вся кавалерія, повернувъ направо, скрылась за Караюльскимъ мысомъ. Вдали открылась намъ пѣхота. Тогда, на вершинѣ Караюла, заиграла музыка. Черезъ минуту грянула другая музыка, и балъ открылся.

Первые выстрѣлы сраженія принадлежали Туркамъ. Принятія первыхъ турецкихъ выстрѣловъ принадлежала нашимъ казакамъ. Огонь открылся у самой подошвы Караяльскаго мыса, изъ-за небольшого пригорка, за которымъ мы совсемъ могли видѣть пушекъ. Это былъ первый огонь былъ очень живъ и частый. Ядра дожили до нашихъ ногъ, рвали землю, обливали лицо грязью и, опять поднявшись вверхъ, летѣли черезъ головы. Какихъ только прыжковъ и скачковъ они тутъ ни выдѣлывали. Гранаты переносило или разрывало высоко надъ головами. Наши маштаки оцетинились, начали всхрапывать и обнюхивать направо и налево. Ихъ простоватая физиономія слѣдилась въ глубь. Казалось, они обращались другъ къ другу съ вопросомъ: не знаешь ли, землякъ, что это за дьявольщина здѣсь затѣвается? За то всадники сидѣли подбочась и въ усь себя и думали. У кого повалило коня, тотъ прехладнокровно снималъ сѣдло и саквы и отходилъ назадъ. За коня казна заплатитъ, а за сѣдло нѣтъ...

Но вотъ скачутъ Нижегородцы, и Долотинъ гремѣтъ своей чудесной батареей. Батарея остановилась, снялась. «Убравъ пѣшны!» произнесъ начальникъ кавалеріи звучнымъ, твердымъ голосомъ. Цѣпь исчезла. Казацкая батарея горячо заспорилась турецкой и вдругъ стала примолкать.

— Что же вы, Долотинъ, не поддерживаєте огня? спросилъ генералъ Багговутъ.

— Совѣстно, ваше превосходительство, отвѣчалъ старшій артиллеристъ: — у нихъ батарейная.

— Ну, мы подвинемся впередъ.

Батарея выдвинулась и продолжала самый живой огонь. Турки усилили пальбу. У насъ вырывало ряды. Начальникъ кавалеріи послалъ просить батарейную батарею.

Отъ Караяльскаго мыса огонь сообщился всей турецкой линіи; наша также вспыхнула и загремѣла на всемъ своемъ протяжении. Дымъ налегъ на боевое поле и скрылъ отъ насъ все предметы; мы увидѣли себя въ густомъ туманѣ. Утро было тихое, и дымъ прилиналъ къ землѣ, мокрой отъ росы. Ярко блиставшее предъ тѣмъ солнце превратилось въ красный шаръ безъ лучей. Непріятель окончательно утвердилъ свой правый флангъ въ Караяльскій мысъ и дѣйствовалъ съ вершины его артиллерійскимъ и штуцернымъ огнемъ въ плечо нашему лѣвому крылу, на которомъ уже стала и пѣхота. Въ эту минуту, рас-

ложеніе этого крыла было слѣдующее: немного дальше, какъ на одинъ выстрѣлъ отъ подошвы караяльскаго оконечности, Блѣвцы и Тульцы; правѣ ихъ Нижегородцы; потомъ батарея Долотинъ и три сотни Скобелева. Позади Нижегородцевъ стояли три сотни донскаго № 20 полка, поставленные въ одну шеренгу и съ пиками на бедро. Съ ними стояли еще конно-ракетныя команды. Это было что-то въ родѣ второй линіи.

Но вотъ, между нашимъ крыломъ и центромъ, началъ развертываться Тверской драгунскій полкъ. Шелъ ли онъ за долотинской батареей, или прибылъ послѣ, не знаю. Въ эти минуты зрѣніе поглощено тѣмъ, что передъ глазами. Громъ, непрерывно потрясающій слухъ, какъ хотите, дѣйствуетъ и на органы зрѣнія. Впечатлѣнія тѣснятся, даютъ одно другое, такъ что и память времени пропадаетъ: часы кажутся минутами. Прошло уже, вѣрно, больше часа, какъ загорѣлся артиллерійскій огонь, а все еще казалось, что мы находимся въ первой минутѣ дѣла.

Объ овладѣніи Караяломъ нельзя уже было и думать. Объ этомъ было послано донесеніе къ князю Барятинскому. Онъ самъ осмотрѣлъ наше крыло и приказалъ: оставивъ Караяль, дѣйствовать на правый флангъ непріятельской линіи.

Противъ Тверскаго полка свирѣствовала сильная батарея, третья, должно быть, отъ оконечности праваго крыла Турокъ. Полкъ развернулся и пошелъ на батарею. Впереди, шагахъ въ двадцати, скакалъ, на бѣломъ кабардинскомъ конѣ, графъ Ниродъ. Видъ былъ прекрасный, рыцарскій, возвышающій душу... Полкъ достигъ батареи, опрокинулъ прикрытіе, изрубилъ прислугу, овладѣлъ пушками (обрубивъ второпяхъ гужи у упряжныхъ лошадей), но, къ сожалѣнію, не остановился, промчался за первую непріятельскую линію, столкнулся съ свѣжими баталіонами, поворотилъ лѣво, столкнулся съ двумя уланскими полками, выскакавшими изъ-за Караяльскаго мыса, и еще взялъ лѣво, уже къ оконечности нашей боевой линіи. Онъ скакалъ во весь духъ назадъ за нашу линію, въ промежуткѣ между Блѣвцами и подошвой Караяла. Турецкіе стрѣлки осыпали его огнемъ съ караяльскаго ската; турецкіе уланы за нимъ гнались.... Такимъ образомъ, полкъ описалъ дугу: началъ атаку съ правой оконечности нашего лѣваго крыла и отступилъ уже за лѣвую его оконечность. Пушки, которыми онъ овладѣлъ, остались на мѣстѣ; однако, батарея была уже одинъ разъ на-

всегда погашена. Это насъ много облегчило въ послѣдовавшихъ дѣйствіяхъ.

Между тѣмъ, прибылъ на нашъ флангъ полковникъ Лавровъ со 2-й батареей артиллерійской бригады. Батарея принялась за дѣло по кавказски.

Турецкая пѣхота забила въ барабанъ и начала наступать, наша тоже ударила наступленіе и двинулась впередъ. Турецкая пѣхота, превосходная числомъ, потѣснила нашу. На Карайе послышались неистовые крики. Что за тяжкая была минута! Броситься, остановиться или умереть — вотъ какой мыслью душа волновалась и кипѣла.... Командиръ Нижегородскаго полка, одинъ изъ многихъ отлично храбрыхъ офицеровъ, которыхъ Иверія дала русской арміи, пылко обратился къ начальнику нашей кавалеріи съ словами:

— Ваше превосходительство, позвольте ударить.

— Пойдите, князь, пойдите, отвѣчалъ генералъ Багговутъ, не сводя глазъ съ турецкихъ баталіоновъ.

— Позвольте, ваше превосходительство, повторилъ чрезъ минуту князь Я. И. Чавчавадзе: — наши отступаютъ.

— Хорошо, вижу, возразилъ генералъ, вшиваясь глазами въ турецкіе баталіоны и дѣлая жестъ рукою, какъ человѣкъ, который не хочетъ, чтобъ ему мѣшали: — хорошо, вижу; но! ради Бога, одну минуту.

И вотъ, выждавъ эту дорогую минуту, когда турецкіе баталіоны, разгоряченные преслѣдованіемъ, начали размыкаться, генералъ Багговутъ произнесъ:

— Теперь, съ Богомъ!

Нижегородцы начали свои атаки подивизионно на турецкую пѣхоту и артиллерию. Много разъ повторялись эти богатырскія атаки. Была борьба, были свалки, была рѣзня, былъ адъ....

Между тѣмъ, далеко отъ насъ вправо, къ сторонѣ нашего центра, слышны барабанъ и дружный крикъ тысячи голосовъ. Русский барабанъ и русский военный крикъ — какъ ихъ не узнать, хоть и далеко!... Тамъ кавказская пѣхота пошла ломать турецкій центръ.

Прискакалъ ординарецъ отъ князя Барятинскаго къ генералу Багговуту съ приказаніемъ: взять, если можно, Нижегородскаго драгунскаго полка и спѣшить на правый флангъ нашей боевой линіи: нашъ правый флангъ страдаетъ.

— Нижегородцы всѣ въ работѣ, отвѣчалъ генералъ: — нѣтъ

никакой возможности вырвать ихъ изъ дѣла. Возьмите Линейцевъ. Доложите, что видите. Буду ждать новыхъ приказаній.

Въ эти минуты, генералъ Багговутъ направлялъ нижегородскіе дивизионы буквально подъ градомъ пуль и картечи. Ординарецъ едва могъ сдерживать свои рыдания, его выслушивая.

Три линейныхъ сотни понеслись на правый флангъ.

Долотинская батарея усердно помогала Нижегородцамъ. Есаулъ Кульгачевъ, благороднѣйшій и храбрѣйшій изъ казаковъ, выскакалъ съ своимъ взводомъ подъ самую нѣсть турецкой пѣхоты, сыпнулъ картечку и — лишился орудія. Въ одну минуту, всѣ почти люди и лошади при орудіяхъ были перебиты или переранены. Подъ нимъ самимъ убита лошадь. Онъ поймалъ драгунскаго коня безъ сѣдока, взобрался на него и подскакалъ къ генералу Багговуту, съ видомъ величайшей скорби.

— Ваше превосходительство, произнесъ онъ: — помогите, не дайте пропасть орудіямъ.

Плачь звучалъ въ голосъ удалаго артиллериста-казака. Генералъ утѣшилъ его обѣщаніемъ не только воротить свои, но взять еще и турецкія пушки.

Обѣщаніе было исполнено.

Твердой долкѣ оправился, вошелъ въ линію, правѣ Нижегородцевъ, и принялся помогать имъ въ кровавой работѣ. Полковой командиръ уже выбылъ изъ строя: онъ получилъ сабельную рану въ правую руку. Бѣлый конь графа Нирода обагрился кровью отъ полученной раны, но не переставалъ носить своего храбраго всадника впереди дивизионовъ, насѣдающихъ на турецкіе баталіоны. Отъ этихъ, стройныхъ и могучихъ недавно, баталіоновъ оставались уже безобразныя кучи, одна здѣсь, другая тамъ; ни связи, ни линіи между ними не существовало. Храбрый бригадный паша Гассанъ, водившій ихъ когда-то противъ Бедуиновъ и Курдовъ, былъ убитъ. Караялъ молчалъ. Еще эти нестройныя, но плотно сжатые кучи держались довольно твердо; еще встрѣчали они драгунъ густымъ огнемъ. Но этотъ огонь былъ уже намъ мало опасенъ. Онъ перелеталъ черезъ головы, потому что задніе люди, прижатые передними, стрѣляли ввѣркъ, да и передніе, большею частію, дѣлали то же, возвышая дѣткъ для обороны. Послѣ каждаго удара, наше крыло все подавалось впередъ, а турецкія развалины — назадъ. Наши были чрезвычайно воодушевлены. Бой казался пиромъ, во всей силѣ слова, и судьба его на этомъ флангѣ видимо рѣшалась въ нашу пользу.

Неприятельскій отрядъ на Караалѣ отутился ни въ тѣни, ни въ сѣхъ, и ему не оставалось больше, какъ убираться туда за-добра-ума.

Прискакалъ новый ординецъ къ генералу Багговуту приказаніемъ: взять что можно и спѣшить на правый флангъ.

— Отыщите наши ракеты и ведите; тамъ онѣ будутъ нужны, сказалъ мнѣ генералъ.

Ракетныя команды, какъ уже сказано, стояли позади нашей боевой линіи. Еще въ началѣ дѣла, потеряли онѣ своего командира, который былъ раненъ штуцерною пулею съ вершины Караала. До этой минуты, въ нихъ не было надобности, потому что нашъ лѣвый флангъ имѣлъ дѣло съ одной почти пѣхотой артиллеріей. Притомъ же, начальникъ кавалеріи берегъ ихъ какъ сюрпризъ, для самой рѣшительной минуты.

Изъ того, что мы имѣли здѣсь дѣло съ одной пѣхотой, можно было заключить, что большая часть неприятельской кавалеріи сосредоточена противъ нашего праваго крыла, тѣмъ болѣе, что мѣстность тамъ была открытая, и Туркамъ не на что было опираться. Въ этомъ заключеніи мы не ошиблись.

Передавъ начальство графу Нироду, генералъ Багговутъ прискакалъ на правый флангъ, съ однимъ дивизиономъ Тверскаго полка, тремя сотнями донскаго № 20 полка и двумя конно-ракетными командами. Нашъ правый флангъ отстоялъ отъ лѣваго версты на двѣ. Приближаясь къ нему, мы видѣли пустыя пространства между войсками. Нашъ центръ выдвинулся уже далеко впередъ, тѣсня неприятельскій центръ, а наше правое крыло, напротивъ, осадило и загнулось назадъ. На самомъ этомъ загибѣ стоялъ Новороссійскій драгунскій полкъ, съ донскою № 6 батареей. Батарея перестрѣливалась съ турецкой артиллеріей. Идра начали перерѣзывать намъ дорогу. Нѣкоторые изъ сопровождавшихъ генерала Багговута падали. На значительномъ отъ Новороссійцевъ разстояніи, все-таки по направленію къ оконечности крыла, стояли ряжскіе баталіоны, съ четырьмя орудіями какъ то батареейной батареей. Впереди ихъ лежали наши убитые и раненые. Послѣдніе приподнимались, падали, испускали стоны, и ихъ некому было прибрать. Баталіоны сохраняли полный порядокъ, но были крайне смущены. Мы могли заключить, что они уже побывали въ схваткѣ и отброшены отъ того мѣста, гдѣ находимся прежде. Генералъ ихъ ободрилъ; они двинулись впередъ. Раненые были подобраны. Въ нѣкоторомъ разстояніи

Ряжцевъ, только впереди ихъ, нашли мы три сотни Скобелева, полкъ Камкова и конно-мусульманскіе полки. На эту отдѣльную и какъ-то странно растянутую часть войскъ напирала баша-бузуки, въ огромномъ числѣ. За баша-бузуками видѣлись флюгера уланскіе полковъ. Дѣйствительно, неприятель сосредоточилъ здѣсь большую часть своей кавалеріи. Изъ-за нея нельзя было разсмотрѣть пѣхоту, а штыки ея сверкали позади, въ промежутки.

Первый взглядъ на положеніе дѣлъ убѣдилъ генерала Багговута, что неприятель, не предпринимая рѣшительнаго наступленія ни на Новороссійцевъ, ни на Ряжцевъ, имѣетъ намѣреніе обойти наше крыло, и, между тѣмъ, какъ конница насѣдаетъ съ фронта, пѣхота направляется къ оконечности крыла. Хотя нельзя было ясно усмотрѣть это направленіе, подъ маской огромной конницы; но его легко было угадать. Чрезвычайно важно въ подобныхъ обстоятельствахъ явиться на проигрывающей дѣло пунктъ свѣжему распорядителю, который обскакалъ всю боевую линію, обвѣдал однимъ взглядомъ ходъ разрозненныхъ дѣйствій и по предъидущимъ обстоятельствамъ опредѣлялъ образъ дѣйствій въ послѣднемъ мѣстѣ. Бѣда ему кажется за поль-бѣды, потому что онъ выше видѣлъ совсѣмъ не то.

— Турки хотятъ обойти нашъ флангъ, сказалъ Александръ Федоровичъ:— да ужь поздно: давайте ракеты! Дмитрій Ивановичъ (обращеніе къ Скобелеву)! прикройте ракеты справа.

Въ эту минуту, сирійская конница, въ наилучшемъ расположеніи духа, насѣдала на нашъ фронтъ. Линейцы огрызались, держась твердо на мѣстѣ. Мусульмане пятились, однако съ достаточнымъ хладнокровіемъ. Князь Яссе Андрониковъ, богатырь видомъ и духомъ, ободрялъ и удерживалъ ихъ въ равновѣсіи.

Приводилось мнѣ знакомство съ конными ракетами, сдѣланное еще на Кубанской Линіи. Онѣ выскакали подъ сильнымъ неприятельскимъ огнемъ, спѣшились и поставили станки съ отличнымъ проворствомъ. Не забуду хорунжаго Каргина: такъ себѣ, простой человекъ съ виду, а сколько нашлось въ немъ благородства и мужества!... Шестнадцать огненныхъ змѣй съ шумомъ и трескомъ влетѣли въ толпы баша-бузуковъ. Дѣйствіе ракетъ было очень удачно: всѣ до одной пошли совершенно горизонтально и по назначенію дошли исправно. Три раза повторено это дѣйствіе, и все съ добрымъ успѣхомъ. Но дальѣйшее повтореніе едва ли уже было возможно: половина прислуги легла на мѣстѣ убитыми и ранеными. Впрочемъ, не представлялось

больше и надобности въ дальнѣйшемъ повтореніи. Баши-бузашумѣли назадъ; Линейцы бросились впередъ. Эта туча, съ вавшая силы непріятеля, разсѣялась: улавы, артиллерія и пѣхота открылись. Начались атаки въ томъ же разѣ, какъ и на лѣвомъ нашемъ крылѣ; кавалерія пошла громить пѣхоту. Турецкія конница рѣшительно присмирѣла и спѣшила обратиться за своей пѣхотой и артиллерію. Скоро ей совсѣмъ не стало видно — и слѣды простыли. Поведеніе очень странное; но такъ дѣйствительно было.

Въ это время, нашъ лѣвый флангъ покончилъ съ правымъ турецкимъ флангомъ. Караялъ очистился. Два новороссійскіе дивизиона, съ дивизиономъ линейной казачей артиллеріи, которыми ничего уже не оставалось дѣлать у подошвы Караяла, пришли на подмогу нашему правому крылу. Это крыло находилось теперь въ превосходномъ состояніи. Новороссійцы и дивизионъ Тверцовъ творили чудеса. Въ славномъ сообществѣ съ драгунами, Линейцы рѣзались безподобно: бросались на штыки и на пушки. Любимый конь командира трехъ сотенъ, кабардинецъ «Васька», получилъ двѣ раны пикою и одну пистолетною пулею, но не переставалъ служить боевую службу. Турецкіе баталіоны отказались уже отъ своего обходнаго движенія и скоро взяли другое направленіе, назадъ, къ первоначальной боевой линіи. Сперва они отступали строемъ, потомъ начали разрушаться, превращаться въ кучи, а потомъ бѣжать, бросать оружіе и оставаться съ голыми руками. Всѣ почти плѣнные этого дня взяты здѣсь, на лѣвомъ турецкомъ флангѣ.

Конная казачья артиллерія и здѣсь лихо пособляла драгунскимъ атакамъ. Батареи Двухженнова хорунжій Золотаревъ, съ однимъ остальнымъ орудіемъ своего взвода (другое уже было искалѣчено), не давалъ Туркамъ ни отдыха, ни сроку: опережалъ драгунъ и казаковъ, снимался, билъ картечью въ затылокъ ихъ замкамъ и отсталъ не прежде, какъ когда уже преслѣдованіе было прекращено.

Сраженіе было выиграно. Лѣвый нашъ флангъ началъ, правый кончилъ. На лѣвомъ мы не дали въ обиду, на правомъ поправились; центръ порѣшилъ самую сущность дѣла.

То же самое было и въ Башъ-Калыкъ-Марѣ. И тамъ мы нанесли побѣду въ центрѣ. Выходитъ, что въ бояхъ съ Турками не надо слишкомъ забираться о флангахъ (нельзя быть въ невыгоднѣйшемъ положеніи, какъ былъ нашъ лѣвый флангъ): надо только бить посильнѣе, по русски въ центръ — побѣда здѣсь поймаётся

и ужь не выкрутится, какъ бы ни вертѣлась. Не такъ ли побѣждалъ и Паскевичъ! Князь Бебутовъ — ученикъ Паскевича. Въ продолженіе боя, онъ весь былъ въ центрѣ. Много воды утекло въ Карсаѣ со времени паскевичевской войны, много коренныхъ преобразованій сдѣлано въ турецкомъ войскѣ; но никакія преобразованія не сообщили ему возможности, способности маневрировать на полѣ сраженія. Характеръ народа всегда будетъ просвѣчивать въ военной силѣ государства. Добрый полководецъ всегда будетъ имѣть это въ виду....

Турки бѣжали на всемъ протяженіи боеваго поля, отъ Караяла до безыменнаго озерца за Курюкъ-дара, — и жаль, что этому озерцу нѣтъ имени. Османлы, вѣрно, зовутъ его «балыхъ-гѣль»: у нихъ всякая лужа, въ которой постоянно держится вода и водятся мольки — балыхъ-гѣль, рыбное озеро. Отъ черты, на которой загорѣлся бой, мы продвинулись впередъ версты четыре. Дальнѣйшее преслѣдованіе лѣвымъ крыломъ и центромъ оказалось невозможнымъ. Пускай не отнесутъ къ намъ извѣстнаго афоризма: кто не преслѣдовалъ, тотъ и не надѣялся побѣдить. Нѣтъ, мы надѣялись побѣдить; но работы было такъ много, что лошади кавалеріи и артиллеріи едва могли передвигать ноги отъ изнуренія. Пѣхота центра выбилась изъ силъ въ кровавыхъ усиліяхъ, послѣ ночи, проведенной безъ сна. Солдаты скинули полукафтаны, и съ рубахъ ихъ текла вода. День былъ очень жаркій. Жажда томила людей. На всемъ полѣ не было ни капли воды. Конница праваго крыла была менѣе утомлена и могла бы продолжать преслѣдованіе, могла бы довольно набрать и людей и пушекъ; но одному флангу не приходилось пускаться на ловитву, когда вся остальная линія не имѣла силъ двинуться. Турки далеко еще не потеряли головы; съ нашими истощенными силами, опасно было лишать ихъ «золотаго моста». Никакихъ вторыхъ линій не было. Бились по кавказски, безъ задней помощи и мысли. Былъ уже полдень, когда шумъ битвы затихъ совершенно и все, что билось, прилегло отдохнуть на прохладной зеленой травѣ.

Послѣ получасоваго отдыха, войска пошли назадъ, къ своему лагерному мѣсту, гдѣ уже опять разбивались палатки, и прежде всего госпитальныя. Безъ пѣсни, безъ веселаго говора, молча перешли черезъ поле, усѣянное мертвыми тѣлами, на опространномъ прострѣствѣ. Нашъ нѣсколько человекъ завернули на перевязочный пунктъ, освѣдомиться о товарищахъ, пролившихъ кровь въ бою.

Надъ аптечнымъ ящикомъ развѣвается красный саванъ. Широкая поляна покрыта ранеными, истекающими кровью, умирающими, умершими. Всѣ роды страданій, всѣ виды разрушеннаго живаго человѣка соединились здѣсь. Легче пробить шесть совѣвъ въ бою, чѣмъ шесть минутъ на перевязочномъ пунктѣ. всюду лужи крови, то красной и теплой, то черной и застывшей. Тысячи стонъ и болѣзненныхъ восклицаній поднимаются къ ясному, спокойному небу. Медики и фельдшера работаютъ сбросивъ куртки, подвязавши передники и засучивъ рукава локтей. Ихъ голыя руки и бѣлые передники обогреты кровью. Осмотрѣвъ одного, махнули рукой и переходятъ къ другому. Священники, съ открытымъ челомъ, въ епитрахиль свернувъ и съ крестомъ въ рукѣ, не дѣлаютъ различія, ко всякому обращаются и благословляютъ его исходъ въ христіанскую вѣчность. Коротка исповѣдь умирающаго солдата: предпоследній вздохъ и два, три послѣднихъ слова: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Да и какъ ее тутъ длить! Сколько же еще ждуть и просить приложиться ко кресту запекшимися устами, и судорожно ловятъ полу рясы послѣдняго утѣшителя на бѣломъ свѣтѣ, исчезающемъ изъ глазъ...

Вы, которымъ не нужна обрядовая религія, и вы, которымъ вы будете пристегнуть мнѣшую шуточку къ слову солдатъ — армянщина, казарма — соберитесь съ духомъ, пройдите черезъ перевязочный пунктъ, но только не зажмуривайте глазъ, и съ вами повторится исторія того мага, который ѣхалъ злословить пророка, а вмѣсто того сталъ благословлять; вы уже будете говорить, что солдатъ великъ и что обрядовая молитва и вѣра родились изъ самой природы человѣка, въ величайшія минуты его жизни. Надобно ничего не испытывать въ жизни, надобно прожить жарниковымъ растеніемъ, чтобъ не сознавать и не признавать ихъ тождественности съ нашей природой. Самые воинственные народы всегда были самые религіозные.

Турки имѣли противъ насъ до 50,000 пѣхоты, больше 10,000 конницы и до 100 орудій артиллеріи. Нѣкоторые утверждаютъ, а Армяне даже и божатся, что у нашихъ противниковъ было 80,000 пѣхоты и 8,000 регулярной да 12,000 нерегулярной конницы. Но самому скромному счету и внѣ всякаго сомнѣнія, ихъ было втрое больше противъ насъ. Имъ предводительствовалъ муширь Зарифъ-Мустафъ-паша, которому помощниками были Хуршидъ-паша, прежній Гюйонъ, и Мад-

жаръ-паша, прежній Кметі. Послѣдній командовалъ первой боевой линіей и, во все время сраженія, находился на Караялѣ, вмѣстѣ съ муширомъ. Оттуда разсылали они свои приказанія, пользуясь личной безопасностію, подобно козлу, который спускался на крышѣ и злословилъ проходившаго по улицѣ волка. Все поле сраженія у насъ должно было быть какъ на ладоши, если только не мѣшало дымъ. Они прибыли туда еще до разсвѣта, съ легкимъ передовымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ большого числа нерегулярной конницы, двухъ или трехъ штуцерныхъ баталіоновъ и нѣсколькихъ орудій легкой артиллеріи. Что, если наши аванпосты не были сняты и редутъ на Караялѣ не былъ оставленъ!... Впрочемъ, если мы ошиблись тѣмъ, что взяли направленіе на Карсъ, и для того послѣднили убрать передовые караулы, то Турки еще больше нашего ошиблись, думая найдти нашъ лагерь на мѣстѣ и насъ въ лагерѣ, а не въ полѣ. Слѣдственно, по этой собственно статьѣ, не стоитъ строить сожалѣній и чувствительныхъ восклицаній: если бы, если бы! Одно изъ двухъ: или аванпосты должны были быть сняты, или мы подивали бы въ своемъ лагерѣ, когда Турки уже шли.

Боевая позиція Турокъ была несравненно выгоднѣе нашей. Караялъ, на который мы всегда могли рассчитывать, какъ на домашняго человѣка, достался имъ. Добилась—таки моль козуха, и такъ легко! Когда, предъ началомъ дѣла, Линейцы до него доскакивали и увидѣли его грозно вооружившимся противъ насъ, невольно пришло мнѣ на мысль восклицаніе Цезаря: и ты, Брутъ, противъ меня!... А мы же выкормили тамъ бѣдную птичку!... Утвердивъ на Караялѣ свой правый флангъ, Турки сдѣлали его для насъ неодолимымъ, и если добровольно съ него сошли, то этимъ мы обязаны богатырскимъ атакамъ Нижегородцевъ на ту часть ихъ праваго крыла, которая была ниже Караяла. Хвала Нижегородцамъ; хвала и тому, кто направилъ ихъ атаки сюда, а не выше: тамъ бы, можетъ быть, разбились всѣ геройскія усилія, безъ пользы для общаго дѣла. Хорошо, а значитъ, и иногда и не начинать съ начала. Впрочемъ, Караялъ далеко не принесъ Туркамъ той выгоды, на которую они могли рассчитывать. Штуцера, что успѣвшие, должны были поражать нашъ лѣвый флангъ съ боку, на лѣвое плечо; но какъ мы близко къ нему не прислонялись, и штуцера не осмѣливались спускаться въ долину, то и вредъ отъ нихъ вышелъ для насъ ничтожный. Они были мертвый капиталъ, во все продолженіе боя. То же можно ска-

зять и о конницѣ, находившейся дальше по Караялу, у лѣваго нашего лѣваго фланга и противъ даже нашего перевалочнаго пункта. Она то же не смѣла спуститься съ горы предъ глазами Новороссійцевъ, которыхъ постъ, какъ ни казался скромнымъ, имѣлъ чрезвычайное важное значеніе. Въ то время когда наше правое крыло было загнута, а турецкій лѣвый флангъ заходилъ намъ въ тылъ, караяльская конница могла бы прыжкомъ однимъ соединиться съ конницею своего лѣваго крыла, и тогда бы вышло кольцо, мы были бы окружены. Утвердивъ свой правый флангъ въ караяльскій мысъ, Турки, конечно, назначали его осью заѣзда, а лѣвому своему крылу давали значеніе заѣзжающаго фланга. Вотъ для чего тамъ и сосредоточена была такая сила конницы. Если бы все вышло поихвему, мы, подавшись назадъ, были бы сжаты между врагомъ Курюкь-дара и горою Караяломъ. Единственный путь отступленія оставался бы намъ чрезъ Карсчай, у Джюмюшлю; но тамъ вѣдь цѣлая бездна. Сверхъ того, еще съ начала боя, туда были направлены стороною башибузуцкіе отряды и Карапахи, которые именно должны были насъ стѣснить на насъ на карсчаевской переправѣ. Имъ, конечно, была обѣщана несмѣтная добыча. Этотъ родъ войска, равно какъ Курды въ изобиліи получаютъ отъ Турокъ содержаніе, состоитъ изъ самыхъ вкусныхъ обѣщаній.

Но всѣмъ прекраснымъ расчетамъ мушира и его помощниковъ помѣшались осуществиться двѣ главнѣйшія вещи: безпощадное бичеванье драгунами турецкой пѣхоты у самой оси заѣзда и богатырскій ударъ кавказской пѣхоты, съ бриммеровской сорока-пушечной батареей, на центръ непріятельской линіи, ударъ, которымъ фронтъ Турокъ былъ разорванъ надвое. Заѣзжающій флангъ все-таки шевелился въ данномъ ему направленіи, жавъ отрубленный хвостъ змѣи; да что изъ того, когда уже фронтъ лопнулъ пополамъ и ось заѣзда съѣхала назадъ, а потому что всѣмъ, слабомалась!

У Турокъ не было трехъ вещей: быстроты, рѣшимости и единства въ дѣйствіяхъ. Они уже черезъчуръ растапули боевую линію и, сдѣлавшись отъ этого менѣе дружными въ выполненіи общаго мысли, ослабили даже ту простую выгоду, которая заключалась для нихъ въ численномъ превосходствѣ. Но была ли храбрость? была ли стойкость? Были. Но крайней мѣрѣ, были эти качества въ пѣхотѣ и артиллеріи. Пѣхота отличалась живой стрѣльбой и сохраненіемъ строя до послѣдней возможности. Ея батальоны

огонь былъ настоящая рулада въ общей боевой музыкѣ. Артиллерія отличалась хорошимъ выборомъ позицій (можно смѣло сказать, что у Турокъ не было ни одного подбитаго орудія), а также живымъ и недурно направленнымъ огнемъ, но была тяжела, неподвижна — совершенно въ національномъ характерѣ. Конница ничѣмъ не отличалась. Она играла совершенно противоположную роль нашей конницѣ, рѣшительницы судьбы боя на обоихъ флангахъ. Когда турецкій историкъ будетъ изображать нынѣшнее сраженіе, бабуская, разумѣется, всю кисть въ краски, до самой палочки, пускай онъ проведетъ поверхъ конницы одну темную полосу или же пускай опуститъ занавѣсъ надъ тѣмъ угломъ картины, гдѣ будутъ стоять солдаты и башибузуки. Надобно еще прибавить, что какъ въ артиллеріи, такъ и въ регулярной конницѣ нашихъ противниковъ лошади слишкомъ малорослы и жидки.

Единства, можетъ быть, и у насъ не было. Чрезмѣрно длинная линія Турокъ заставила и насъ растянуться, пустить порядочные пробѣлы между крыльями и центромъ. «У Турокъ все стѣна да стѣна, а у насъ все ворота да ворота», такъ говорятъ казаки, описывая сраженіе по своему. Но эти ворота намъ не повредили, потому что у насъ были такія чудесныя вещи, которыхъ у Турокъ не было и едва ли когда нибудь будетъ: у насъ были быстрота и рѣшимость. Онѣ прикрыли все. Когда, въ свою очередь, и нашъ историкъ будетъ писать картину нынѣшняго сраженія, пускай онъ эти два качества разведетъ по всему полотну свѣтлымъ, золотистымъ колоритомъ и пускай не пожалѣетъ красокъ для главныхъ фигуръ картины: Кавказской гренадерской пѣхотной бригады, съ бриммеровской батареей, драгунъ, всѣхъ вообще и нижегородскихъ въ особенности, кавказскихъ линейныхъ казаковъ и двухъ донскихъ конныхъ батарей...

Турки оставили на полѣ сраженія болѣе 3,000 своихъ убитыхъ. По словамъ поселянъ, они увезли съ собою множество раненыхъ. Плѣнными потеряли они болѣе 2,000 человекъ, въ томъ числѣ 2 штабъ и 84 оберъ-офицера. Мы воротили свои двѣ и взяли еще у нихъ пятнадцать пушекъ. Два знамени, четыре штандарта и больше двадцати байраковъ, взятыхъ съ боя, украсили нашу побѣду. Собрано на полѣ сраженія множество турецкихъ барабановъ, музыкальныхъ инструментовъ, тамбурь-мажорскихъ жезловъ, ружей, пикъ и другаго оружія. Между пѣхотными ружьями оказалось много кремневыхъ. Въ этомъ от-

ношеніи, наши противники недалеко отъ насъ ушли; одними кремневья ружья лучше таковыхъ же нашихъ. Напротивъ, и карабины регулярной кавалеріи гораздо хуже нашихъ. Рядъ, каковъ слуга, таковы и баринъ; съ такимъ же отношеніемъ можно сказать: каковы ружіе, таковы и воинъ.

У насъ убито: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ до 600 чел. Ранено и контужено: генералъ (генераль-майоръ Кишинскій, командиръ Кавказской гренадерской бригады), штабъ-офицеровъ 9, оберъ-офицеровъ 70 и нижнихъ чиновъ до 2,400 чел. Въ томъ числѣ изъ одной кавалерійской роты съ казаками значительно, выбыло убитыми и ранеными: офицеровъ 66 и нижнихъ чиновъ болѣе 700 чел. На долю Нижегородцевъ пришлось: убитыхъ и раненыхъ офицеровъ до 20 и нижнихъ чиновъ до 300 чел. Изъ эскадронныхъ командировъ Нижегородскаго полка остался цѣль и невредимъ только одинъ. А лошадей перебито и переранено во всея отрядѣ до тысячи. Въ нижегородскихъ дивизіонахъ болѣе 250.

Взятые въ плѣнъ Турки — все молодые люди, недурнаго вида; только одѣты они бѣдно, неловко, тѣсно и не совсѣмъ однообразно. Куртка и панталоны синяго цвѣта; куртка съ пуговицами, односторонняя, у однихъ на крючкахъ, у другихъ на шнуровкахъ. Въ пѣхотѣ башмаки, а въ кавалеріи сапоги со шпорами. Общій головной уборъ — красная феса, съ мѣдной блестящей шелковой синей кистью наверху. При фесѣ дается солдату бумажный платокъ, которымъ онъ повязываетъ голову на походѣ въ жаръ и въ холодъ. Для дождя имѣется небольшой остроконечный капюшонъ, въ родѣ нашего кавказскаго башлыка. Выходитъ, что голова турецкаго солдата освобождена отъ всякой лишней ноши, и защита ея приложена къ перебиванью погоды. Но рубить по фесамъ ловко... Шинель нашего покроя, конечно, гораздо короче и построена мѣшкомъ. Есть шинели бѣлыя и есть темно-сѣраго, почти чернаго цвѣта. На послѣднихъ султанахъ гораздо плотнѣе нашего. На правомъ рукавѣ выдѣланъ номеръ: что? аллахъ билиръ. Вся вообще одежда шита въ обрѣзъ, не смѣрясь, и сидитъ, какъ краденая. Видно, что мастерилъ ее не рядчикъ, а еще Грекъ: въ турецкихъ войскахъ всѣ подрядчики и поставщики, даже поставщики печенаго хлѣба — Греки. Поздоровитесь отъ этого низамамъ и соварамъ. Обувь крѣпко шита; на нѣкоторыхъ солдатахъ были простые сыромятные поришки. И въ такомъ видѣ вели ихъ въ храмъ Сивы! Офицеры одѣты

неоднообразно: одни въ сюртукахъ синяго цвѣта, пуговицы въ два ряда; другіе въ венгеркахъ стрѣты въ какихъ-то мекинтошахъ. У нѣкоторыхъ есть золотыя и серебряныя медали, съ изображеніемъ горы: это — знаки отличія за экспедиціи противъ Бедуиновъ и Курдовъ. Медаль безъ цѣпки, а около края пробито отверстие, въ которое введено кольцо. Она пристегивается крючкомъ, безъ ленты. Лента подлагается только при орденѣ Меджидіе, — красная, съ зелеными каймами. Въ Турціи получить этотъ орденъ такъ же трудно, какъ и выпросить денегъ въ займы, потому что съ нимъ связана пенсія. Между офицерами есть бѣлокурые, съ свѣтлыми глазами — не Турки.

Плѣнные солдаты имѣютъ видъ не унывающій и держатъ себя прилично. Когда ихъ переписывали, они стояли живо и сказывали полкъ и фамилію бойко, съ военнымъ лаконизмомъ. Видно, что были учены хорошо. Говорятъ даже, что суровость обращенія съ солдатами въ турецкихъ войскахъ доходитъ до жестокости. Въмѣсто нашего «здравія желаемъ», низамы дѣлаютъ «ясакъ» (собственно дань, но здѣсь уваженія), прикладывая руку къ челу, къ устамъ и къ сердцу. Это дѣлается по темпамъ. Станный жребій войны! Вчера имъ была переключка въ своемъ, сегодня она въ русскомъ лагерѣ, и все тѣ же порядки. Также точно пойдутъ къ котлу, но только, вмѣсто своей чорбы, похлебаютъ нашихъ щей, а у Нижегородцевъ, пожалуй, и борщу съ саломъ. А казалось, между нами и ими лежитъ непроходимая бездна. Два лагеря казались двумя различными планетами. Сойдись такъ, почеловѣчески, безъ настороженныхъ когтей, посмотри другъ у друга усы и сказать другъ другу доброе слово казалось намъ невозможнымъ, какъ жителямъ луны и земли...

Пожалѣемъ же объ этихъ, упавшихъ къ намъ съ луны, вѣдь, лучше, несущихъ ранецъ подъ знаменемъ луны, солдатахъ. Но было бы невеликодушие и даже несправедливо бросить въ нихъ камень. Не на нихъ, главнымъ образомъ, лежитъ цѣпко проиграннаго сраженія. Ихъ офицеры и, еще болѣе, наши не показали блестящаго мужества въ бою. Можно сказать, не нарушая справедливости, что офицеры и наши были ниже солдатъ.

Для редчайшаго ободренія войскъ, были при нихъ факиры, въ странныхъ одеждахъ, иногда полунагіе. Нѣкоторые умирали, не сходя съ мѣста. Въ рядахъ египетскихъ баталіоновъ, обстрѣленныхъ въ сирійскихъ экспедиціяхъ и дравшихся лучше другихъ, попадались египтяне, вѣроятно, абиссинскіе негры. Во всѣхъ

регулярныхъ войскахъ, голова не брита, а стрижена по напудренку. Бороду носятъ одни только паша и не старые миралы (полковники), тѣ, конечно, которые хотятъ быть пашами и заставляютъ свою бороду вопиять о томъ. Но это уже не та вѣковая борода, которая закрываетъ свѣтъ солнца на востоцѣ, которая и у насъ когда-то лежала поперекъ петровской дороги: нѣтъ, увы! это бѣдная борода, подстриженная почти до усовъ, какъ и сама блистательная Паша.

Турецкія пушки имѣютъ лафеты громоздкіе и неуклюжіе. Колеса вѣселейше нашихъ; оси желѣзныя. Зарядные ящики четырехъ колесахъ. Впрочемъ, передъ отъ зада отдѣляется, в случаѣ надобности, задъ можетъ быть оставленъ; тогда лафетъ будетъ на двухъ колесахъ, на которыхъ и весь востокъ сидитъ. На передней части находится одинъ, а на задней два сундука. По взаимному сближенію, наши пушки и зарядные ящики имѣютъ видъ оружія, а турецкія кажутся какими-то поліорцетическими машинами.

Два турецкія знамени сотканы изъ шелковой матеріи и имѣютъ величину самыхъ большихъ шалей. На нихъ, по розовому полю, сдѣланы надписи бѣлыми буквами. Прочитавъ бы, что при насъ писано; самъ Бадабекъ сталъ втушикъ. Начальство хотѣло мудрствовать, да увидѣлъ я, что кривитъ душой, и притомъ выразилъ ему совершенное довѣріе. На байракахъ вышиты двѣ мѣсяца, а точнѣе—четверть-мѣсяць, со звѣздочкой. Это государственныи гербъ, учрежденный, какъ извѣстно, Магометомъ въ то время, когда онъ мучился бессонницею и говорилъ: «если бы Греки могли понять, какъ мнѣ хочется Константинополя, они зашили бы его въ подушку, чтобъ я могъ заснуть спокойно». Сколько дней и ночей прошло, сколько переживъ совершилось на востоцѣ отъ той ночи, въ которую были сказаны эти слова! Все широкое сдѣлалось узкимъ. Узкіе панталоны, французская помада, русскій самоваръ и ромъ съ водою или безъ воды и борода, обрѣзанная до корня, и чисто-гладко прогнанные волосы при Курюкъ-дара... иль-алла, мугаммель, расуль-алла.

Теперь я задаю самому себѣ вопросъ: что было бы, если бы наканунѣ 24 числа, огузлинское диваніе пришло къ намъ два часа раньше и, вслѣдствіе того, мы выступили бы двумя днями раньше по карсской дорогѣ? На разсвѣтъ, мы были бы около турецкаго лагеря, а Турки около нашего. Ни они насъ, ни мы ихъ не нашли бы дома. Мы были бы удивлены, но немного, по-

тому что видѣли бы тотъ ихъ лагерь на мѣстѣ; но каково было бы ихъ удивленіе, когда ни насъ, ни нашихъ палатокъ не нашли бы они между Каравломъ и Курюкъ-дара? Что за шайтанлыкъ (дьявольщина) сказали бы они, протирая себѣ глаза. Это намъ, должно быть, мерещилось, а здѣсь Русскіе стоятъ цѣлый мѣсяцъ, это былъ призракъ; просто, насъ дурачили наши собственные чувства...

Однако, разсвѣтъ открылъ намъ нашъ вагенбургъ. Что тогда? Напали ли бы они на нашъ вагенбургъ? А мы напали ли бы на ихъ пустой лагерь, или шли бы все дальше? Полагимъ, что они напали бы на нашъ вагенбургъ—на наши животы, взяли ли бы они его? Нѣтъ. Мѣстность вагенбурга—та же крѣпость. Гарнизонъ этой крѣпости, кавказскій саперный баталіонъ, составленъ изъ лучшихъ солдатъ, при которыхъ было двѣ сотни казаковъ и 10 орудій артиллеріи; командиръ баталіона отличный офицеръ: онъ дрался бы до послѣдняго человѣка. Туркамъ пришлось бы долго хлопотать, а мы, между тѣмъ, успѣли бы придти назадъ.

Но нѣтъ, дѣло не дошло бы до этого. Какъ мы ни расходились съ Турками, какъ ни сврывали насъ другъ отъ друга вракъ, ночь и какъ ни старались бы обѣ стороны идти тихо, но, благодаря чутью казаковъ и баши-бузуковъ, мы открыли бы другъ друга среди поля. Положимъ, что такъ: что же тогда? Не входить въ пустые распросы: вы куда? а вы куда? тотчасъ бы начали биться: Турки отъ русской стороны, отъ Арпачая, а мы отъ турецкой, отъ Карса, потому что шахматная доска была бы уже обернута. Князь Бебутовъ повторилъ бы лаконическій приказъ Котляревскаго подъ Асландузомъ: «отступленія не будетъ». Муширъ тоже сказалъ бы что нибудь въ этомъ родѣ, потому что для обѣихъ сторонъ, а особенно для насъ, попятнаго двора уже не могло быть. Мы дрались бы еще лучше и побили бы Турокъ еще чище. Побили бы, нѣтъ сомнѣнія, потому что побили же теперь. Тогда вышло бы что нибудь въ родѣ суворовской развязки полъ Мацѣевичами: тамъ Косцюшко сказалъ: *finis Poloniae*; здѣсь муширъ Зарифъ-Мустафа-паша, по слабому знанію латини, сказалъ бы просто: «культурдымъ»—конецъ злополучной, трижды побитой, азиатской арміи!... Мы вошли бы съ триумфомъ въ Карсъ, а потомъ въ Арзрумъ, главный каравансерай англійской торговли между Стамбуломъ и Персіей; а потомъ... Но это ужъ, кажется, испанскіе замки.

Вмѣсто того, не мѣшаетъ сдѣлать еще одну замѣтку: именно,

то бой у Караяла и Курюк-дара случился ровно чрезъ мѣсяць послѣ того, какъ мы пришли на эту мѣстность и испытали жестокое, неслыханное гониміе. Въ 24 день іюля, былъ градъ ледяной, въ 24 день іюля — чугунный и свинцовый, же въ этомъ общаго? Конечно, ничего — такъ себѣ, простое членіе случайностей. Да, такъ теперь: но что будетъ триста лѣтъ, когда уже мы составимъ ничтожную крупинку корѣ земнаго дара? Чрезъ триста лѣтъ, конечно, выкроится этого чудесная легенда, если не у Русскихъ, такъ у тѣхъ, которые больше ихъ имѣть воображенія: у Турокъ, у Курдовъ, у Карапанаховъ, вообще на востокъ. Востокъ!... Начало дня и свѣтъ начало всего, во что человечество вѣруетъ. На западѣ — темнота, холодный чертежъ и логариевъ, бессонница и трудъ ума, допросъ природы за застѣнкомъ лабораторіи и системы, и стоны въ паровомъ котлѣ, на чугунной колѣѣ, на волнахъ океана... На востокъ — вдохновеніе, притча, пѣвты и арабески, дружеская бесѣда съ природою и дѣтское засыпаніе на ея лонѣ. На востокъ — лицо дѣвы и лико истины подъ покрываломъ, и каждый свой день человекъ вынимаетъ изъ закрытой урны. Не хочу быть гражданиномъ востока, но хочу бывать его гостемъ, въ минуты, когда душа тоскуетъ и рвется къ утру жизни, къ вѣчнымъ впечатлѣніямъ дѣтства и къ лучезарной колыбели, въ которую новую звезду стала въ мірозданіи — «и эта звезда востокъ...»

На другой, послѣ сраженія, день, 25 іюля, утромъ, похоронены наши убитые. Они легли въ общую братскую могилу. Ихъ приютила чужая земля. Но отечественная молитва благословила послѣдній приютъ русскихъ солдатъ на чужбинѣ и впечатлѣла его «вѣчной памятью».

Невыразимо трогательно было слышать слова въ молитвѣ священника: «ихъ же имена самъ, Господи, вѣси». И дѣлаю надежду изъ этихъ, смѣшавшихся и не вспомнутыхъ здѣсь именъ, есть на широкой Руси сердце, которое его помнить будетъ. Тамъ живетъ оно: въ лепетѣ дѣтей, бѣгающихъ по двору, грустномъ поминѣ матери и молодежи, въ доброй бесѣдѣ братьевъ, друзей, сосѣдей... Наступитъ праздникъ, сядутъ за столъ, пришедши изъ церкви и вспомнутъ дорогое имячко, коли живъ, пошли Богъ здоровье; коли цѣтъ, Царство ему небесное, вѣчный покой! И покатится слеза съ горошину по розовой щекѣ или по глубокой морщинѣ... А здѣсь вотъ затеряно

оно, дорогое — то имячко, и не вспомнано. Пошелъ человекъ на тотъ свѣтъ, незамыслимый, невѣдомый. Ужъ и правда, что

Что подъ дождевикомъ трава,
Тотъ солдатъ голова.

Прекрасное лѣтнее утро было въ полномъ сіяніи. Могильная яма была освѣщена, какъ свѣтлица. Ее окружало цвѣтущее, полное жизни, поле. Эта могила — съ полковую казарму, и въ ней повоселъ добрыхъ служивыхъ, сдавшихъ исправно оружіе и аммуницію; это утреннее солнце, живописная окрестность, чистый и свѣжій, какъ вода торнаго ключа, воздухъ, — все это наполняло душу чувствомъ, для котораго нѣтъ и никогда не будетъ въ человѣческомъ языкѣ словъ, для котораго нѣтъ даже и слезъ.

Не было плачущихъ. Залпъ баталіона — вотъ вамъ, земляки, все надгробное рыданье. До свиданія...

Послѣ погребенія, войска собраны къ лагерной церкви. Совершена панихида за православныхъ воиновъ, «на брани животовъ свой положившихъ». Послѣ панихиды, пропѣто «тебе, Бога хвалимъ». Съ русскими священниками молились вмѣстѣ и армянскіе. Тенорамъ тульскаго хора подтягивали басы батарейныхъ батарей. Затѣмъ послѣдовалъ разводъ. Князь Бебутовъ благодарилъ войска за вчерашній день. Счастливые побѣдою, солдаты отзывались горячо. Наконецъ, по своему обыкновению, князь собралъ около себя генераловъ и офицеровъ и въ искреннихъ выраженіяхъ отдалъ каждому свое.

Для преданія землѣ неприятельскихъ тѣлъ и зарытія побитыхъ лошадей, наряжена колонна. За весь день, она не кончила и половины дѣла. Эта печальная работа продолжалась еще и весь слѣдующій день. Какъ на другомъ полѣ, гдѣ пролить потъ, сносятъ снопы и кладутъ ихъ въ конны, такъ на этой печальной нивѣ, гдѣ пролита кровь, стаскиваютъ человѣческіе трупы въ кучу и валятъ ихъ въ яму, надъ которой дѣлаютъ потомъ насыпи. Кончивъ одну конну, кладутъ другую. Къ концу уборки, ихъ оказалось много. До слѣдующей весны, онѣ будутъ свидѣтельствовать, какъ обширна была жатва 24 іюля. А тамъ онѣ сравняются съ землей; по нимъ пройдетъ плугъ и на нихъ будутъ уже стоять конны хлѣба. Армянинъ смолотитъ свою пшеницу и запечатитъ ею «багру» (хлѣбную подать). Пшеница, выросшая надъ старыми турецкими солдатами, будетъ кормить турецкихъ рекрутъ, и такъ далѣе. Такъ созданъ свѣтъ. Все въ немъ идетъ по непреложнымъ законамъ, откуда и родилась судь-

ба. Наше русское «что на ролу написано» должно было водиться на полѣ сраженія, и, конечно, еще прежде насъ...

У Гомера судьба стоитъ выше самого Юпитера. Въ боговъ и смертныхъ объявляетъ рѣшительно, что онъ не могъ спасти своего сына Сарпедона отъ смерти, въ назначенное нея время. Сарпедонъ родился въ ту минуту, въ которую долженъ былъ родиться, и не могъ умереть въ другомъ мѣстѣ, какъ только подъ стѣнами Трои. Онъ не могъ быть похороненъ въ другой странѣ, какъ только въ Ликіи. Въ назначенное время, его тѣло должно было произвести извѣстныя растения, которые воцли въ краѣ Ликійцевъ и имѣли вліяніе на ихъ свойства. Эти свойства имѣли вліяніе на сосѣдей Ликіи, а тѣ на сосѣдей сосѣдей, и такъ далѣе, да самаго окончанія вещей. Такъ это у слѣпаго старца Гомера; но оставимъ его въ покоѣ и пройдемъ по полю вчерашней битвы.

По различному положенію непріятельскихъ труповъ, можно было опредѣлить разные моменты боя. Можно было видѣть, гдѣ непріятель наступалъ, гдѣ осаживалъ, держался, бѣжалъ; гдѣ распоряжалась картечь, гдѣ работали штыкъ и сабля; гдѣ кипѣла горячая схватка, гдѣ шла такъ себѣ легкая передышка. Сабельные удары Нижегородцевъ дѣлаютъ истинную честь ихъ рукъ и точилу Саломона. По любимому выраженію доктора Л... это были — классическіе удары. Досталось ли по фесѣ, такъ черепъ до самыхъ бровей, по плечу — такъ безконечная діагональ чрезъ всю грудь или спину. Это работа златоустовскихъ клинковъ — да здравствуетъ златоустовскій заводъ!

Храбрые люди, встрѣчавшіе смерть лицомъ къ лицу, лежатъ навзничъ, съ глазами открытыми и обращенными къ небу; трусы лежатъ ничкомъ, съ лицомъ, закрытымъ въ прахъ. Солнце жаритъ жестоко. Тѣла, большею частію, обнажены. Уже ихъ касаются тлѣніе. Нѣкоторыя ихъ части безобразно раздуты. Сколо ранъ воятъ мухи — спѣшать насытиться человѣческими остатками, пока еще не завладѣли ими черви....

Лошади кажутся неестественной величины: ихъ вздуло, какъ говорится, горой, а ноги распрямлены, торчатъ вверхъ, какъ колья

ЕСАУЛЪ.

(Продолженіе будетъ.)